

СВЯТЫЙ ИОАННЪ
ДЯКОНЪ

Издание обители преп.
Иова Почевского
в Мюнхене

ШАНХАЙСЬ И
САНФРАНЦИСЬ

Вестник

Германской Епархии Русской

Православной Церкви за границей

44-й год издания

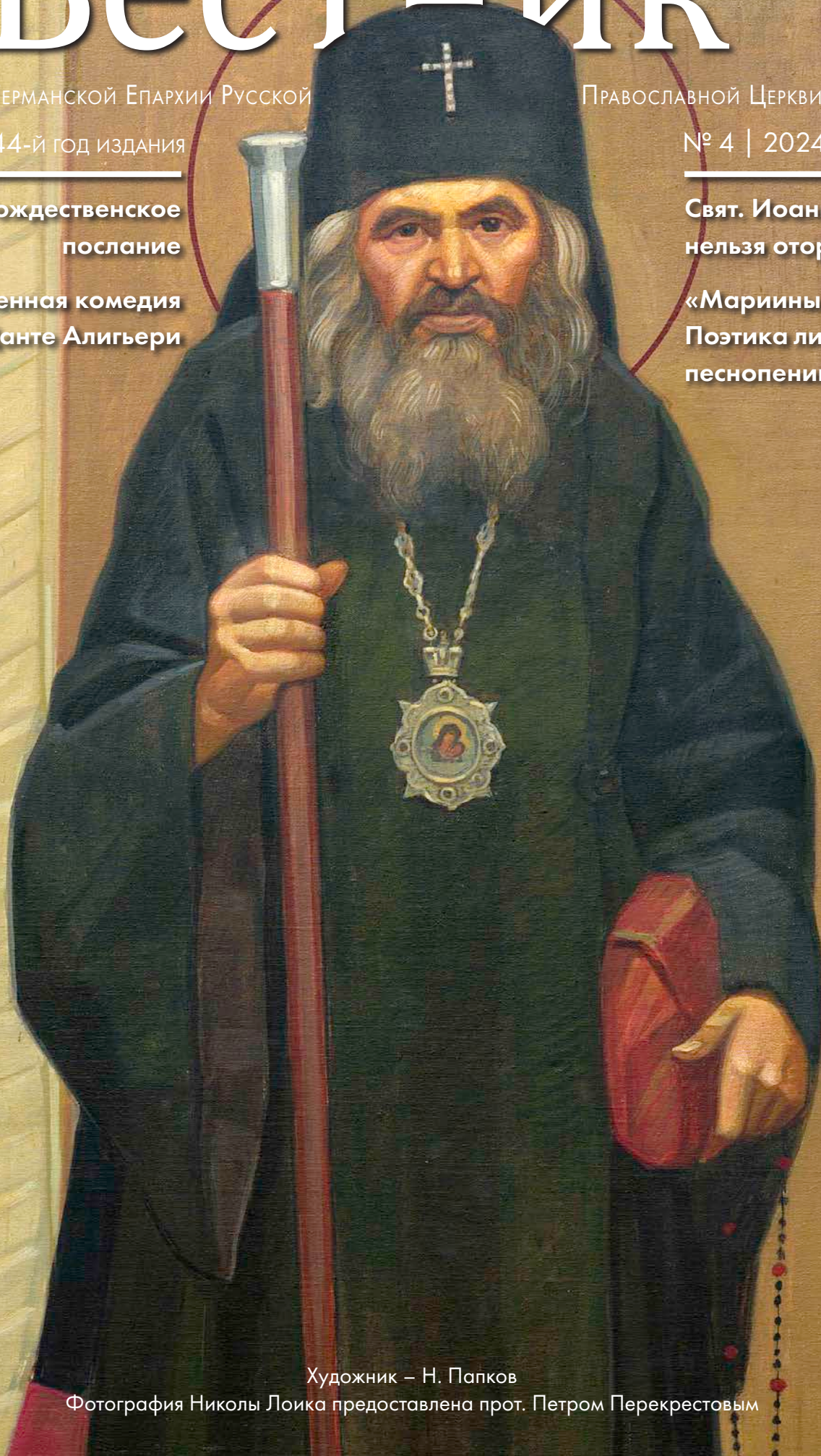
№ 4 | 2024

Рождественское
послание

Божественная комедия
Данте Алигьери

Свят. Иоанн – «от него
нельзя оторваться»

«Мариины слезы»
Поэтика литургических
песнопений

Художник – Н. Папков

Фотография Николы Лоика предоставлена прот. Петром Перекрестовым

Передача ключей замка Зайфридсберг

10 ноября 2024

РОЖДЕСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА БЕРЛИНСКОГО И ГЕРМАНСКОГО МАРКА БОГОСПАСАЕМОЙ ПАСТВЕ ГЕРМАНСКОЙ ЕПАРХИИ

Слава въ вышнихъ Богу,
и на земли миръ...!

Ныне Сын Божий воплощается – облекается в то человеческое тело, которое Он Сам некогда создал: по образу и подобию, без греха, без урона, без изъятия. Первый человек, Адам, отступил от заданной ему цели. Бог смилостивился над падшим человеком, так возлюбил его, что послал Сына Своего Единородного (Ин 3:16-17), который принял на Себя всю человеческую природу, вошел в нее полностью, стал Богочеловеком. Как говорят святые Отцы: Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом. В этом единстве Бога и человека – в этом небывалом, новом «МЫ» – заключено и наше освобождение от греха и смерти, от истления, созданного нами. Через Сына Божия и его Тело – Церковь – нам открывается возможность соединиться с Ним. В Вифлееме эта возможность стала реальной, осязаемой.

При этом Бог создал нас свободными существами. Бог желает каждому из нас спасения, Бог отдает Своего Сына за каждого из нас – и ни одному из нас Бог спасение не навязывает. Вместе со свободой Бог вложил в нас ответственность, дал ум к исполнению воли Его. Спасение невозможно без нашего собственного участия. Единение с Сыном Божиим требует нашего стремления и борьбы, а именно борьбы со злом – тем злом, которое мы сами призвали и создали, и продолжаем своими грехами вливать в свою и общую нашу жизнь. Это зло – отступление от Бога и Его любви. Вместо того, чтобы принять Его любовь и милосердие, мы в слепоте своей предаемся в руки врага, который

нас направляет к убийству всего божественного в нас самих и в мире, окружающем нас.

Какое безумие ныне разворачивается перед нашим взором! Братоубийственная, кровопролитная война ближайших друг ко другу народов, чьи жизненные просторы Господь благословил несметными богатствами и красотой. И ведь не два только народа живут на этих благословенных Богом просторах, а множество. Эти многие, многочисленные «мы» – не только множество народностей, языков и говоров в каждом из ныне воюющих государств, но и другие многочисленные связи: семейные, рабочие, детские, юношеские, приятельские... Всякий уровень этих «мы» особый. И каждое «мы» может – могло бы, должно было бы – возрастать в любви и истине...

Однако дарованная Богом свобода к согласию растаптывается изо дня в день. Воля Божия искажена. Поэтому изрыта, обезображена земля, опустошены селения, обгорелые скелеты домов молча вопиют к Небу.

Даже на Святой Земле, где родился Спаситель, по которой Он ходил – и там ныне пустуют храмы. Это война видимая. Есть и война внутренняя: в современной России исповедники, оклеветанные, и спустя много лет бесповоротно, как нам казалось, оправданные, могут вновь причисляться к «изменникам» и «врагам». Вместо подлинного осмысления и преодоления прошлого – возврат к прежним ошибкам бесчеловечных, жестоких времен. Что приносит народам подобное обращение вспять, к прежним оценкам и установкам?

Ширится страшный водоворот лжи, лицемерия и ненависти, всё глубже затягивая народы в бездну насилия...

Но есть примеры в истории, когда государственные деятели – например, христианские монархи – побеждали не насилием, а благоразумием; не навязывали свою волю, а почитали богоданную свободу, приходили к согласию, преодолевая разнь мира сего послушанием Богу, Его святым заповедям.

Когда место высшей правды и христианской любви захватывают мелочные по своей сути расчеты, жадность, себялюбие, властолюбие – тогда из умов и сердец людей вырывается наружу война.

Увы, наше общество выжило из ума. Привыкнув к самооправданию, лицемерию и обману, общество так отдалилось от христианского миропонимания, даже от внешних христианских обычаев и традиций, что призыв к примирению кажется чем-то внешним, не проникает в сердце, не понуждает к молитве. И вот, жизни приносятся в жертву духовному ослеплению мелочного «я»...

Есть иное «Я», вселившееся в человека и человечество, всеобъемлющее, всепроникающее всевидящим и всемудрым взором. Это «Я» – Спасителево. Спасающее. В Нем и Им мы обретаем иное «Мы», в глубине мирного бытия побеждающее мир (Иоан 16:33), обретаем иное зрение и иное измерение. Быть может, это слово прозвучит неожиданно: измерение дружбы.

Об этом говорит преподобный наш отец Иустин (Попович): «Богочеловек своим Новым Заветом принес миру и новое přátельство, новое содержание дружбы...

Настоящая дружба состоит из святой и божественной любви человека к человеку. Человек – приятель всему святому и божественному в человеке; это ему приятно в приятеле. На этом он и основывает все свои отношения к приятелю. Это же значит: содержание правой дружбе дает Бог – и то, что Божье».

Это Божье нам нужно узреть. Если мы, будучи христианами, именно так, по-дружески будем смотреть на каждого человека в этом свете, станет возможным мир среди народов. Ангелы в Вифлееме благовествовали об этом мире. Наше дело – прислушиваться к их благовещению и преодолевать свою самость, принимая любовь Божию и любовь к Богу как основу нашей жизни.

Христосъ раждается!

+ митрополит Берлинский

+МАРК,
митрополит Берлинский и Германский
Берлин – Мюнхен
Рождество Христово 2024/25

ТОЛКОВАНИЕ НА СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ПО ИОАННУ

ПРОДОЛЖЕНИЕ (НАЧАЛО СМ. ВЕСТНИК № 3/2023)

1,41-42 „Мы нашли Мессию“ (ст. 41) – это все что они могут в возбуждении от радости воскликнуть. В их словах нет ни капли колебания, сомнения. Это что-то настолько уверенное и несомненное, что Петр без слова идет за своим братом Андреем, который был один из двоих счастливцев и эту весть и новость сообщил своему брату. „Он привел его к Иисусу“ (ст. 42): привел как ребенка, столько Андрей был увлечен любовью и одушевлением за Иисуса, что он Петра привел к Иисусу, а не что сам Петр пошел и что они пришли к Иисусу. В душе Петра должно было произойти что-то необычное: новые мысли, сладкие ожидания, трепетные чувства. Все это вихрилось в нем, слилось в некоторый хаос, милый хаос, в чьих горячих глубинах рождалось что-то новое для Петра. какой-то новый мир, новая жизнь, что-то не похожее на все прежнее. Все это благий Спаситель прочел и в душе и на лице по-детски возбужденного и обеспокоенного Петра и ради этой внутренней перемены, которая в нем происходила, тотчас изменил ему имя как Авраму, которому изменил имя, когда ему обещал, что он будет отцом многих народов. Евангелист пишет: Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень Петр (ст. 42). Петр – камень, камень на камне будет созидаваться новый мир, не только его, но и многих, многих других, которые как он будут менять себя Богочеловеком, его Евангелием. Как бы весь мир получает новое имя ради многозначимого Петрова изменения, обращения Петра Христу.

1,43 «Иди за мной!» – и Филипп пошел за Ним, не спросив: зачем? Кто ты? Что хочешь от меня? Почему мне ради Тебя оставить всё своё в доме, и дом и имущество? – Что это было в Иисусе, что столько привлекло к Нему, так что люди оставляли всё и сразу по-

шли, и то навсегда пошли за ним? Наверняка через Его святое лицо и тело изливалась и по душам человеческим разливалась таинственным образом чудесная сила и свет Бога Логоса. И хотя бы немного богоискательные и богостремительные души прилепились к Нему всем существом. И находили в Нем своего Мессию, своего Господа, свою жизнь, свое бессмертие и вечность. Да, в Нем находили все то самое возвышенное, самое святое, самое божественное, самое бессмертное, самое мощное что Мессии приписывали и с Моисея ожидали все святые Божии люди. 1,44-45 Это и случилось с Филиппом. Пошел за Ним и тут же всем существом открыл, нашел, что Иисус – Мессия. Нашел, да! Ибо он искал, изыскал, на Иисуса применял все что Моисей и Пророки писали о Мессии и нашел, что Иисус есть тот божественный Мессия, Спаситель. По-

Призвание Филиппом Нафанаила. Монастырь Высокие Дечаны, Сербия

этому он и заявляет своему приятелю Нафанаилу, которого он искал, чтобы поделиться с ним своей радостью и сообщить ему свое приобретение: «мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета» (ст. 45). Богоискательной душе Филипповой не было потребности, чтобы долго испытывать Иисуса: он применил к нему мессианское мерило Моисея и пророков, и всем существом убедился и нашел, что это действительно Мессия.

1,46 Ученый Нафанаил осторожный и несколько сомнитель. Мессия – «из Назарета? «Из Назарета может ли быть что доброе?» (ст. 46). Это пророчески оправданный вопрос. Из Назарета может ли быть что доброе? Тем более, самое великое добро – Мессия? Филипп этим как бы смущен, или не желает впускаться в длинные обсуждения об этом, ибо он весь переполнен и чувства и убеждения, что Иисус – Мессия. И поэтому всю свою апологию и апологетику сводит к двум словам: «Пойди и посмотри» (ст. 46). Прииди и смотри Иисуса, и отпадут все сомнения, все проверительные вопросы. Ибо видеть Его, значит видеть Мессию, разве что человек нарочно

ослепит все глаза своей души, чтобы ни не видели и открыли в Нем Мессию и Бога. Пример: Нафанаил.

1,47-48 Его встреча с Иисусом, это действительно встреча правого Израильянина с Мессией: «Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства» (ст. 47), говорит Иисус о Нафанаиле, как только тот пришел с Филиппом и еще ни одного слова не высказал, и которого Иисус впервые видит. Слова Иисуса восхваляют осторожность Нафанаила; Нафанаила удивляет то, откуда Иисус его знает. Он и дальше своей душой идет по рельсу своей сомневающейся осторожности: проверяет утверждение Филиппа и свои сомнения. Тогда Иисус открывает ему частичку Своего Божества: всеведение, всевидение: «Прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницей, Я видел тебя» (ст. 48). В каком расстоянии? Как это возможно? Нет, это не может видеть обычный человек, да и не самый великий человек; это может видеть только Сын Божий, Мессия, Бог.

1,49 И Нафанаил, как он искренне сомневался, так же искренно и уверовал, признал Иисуса как Мессию: «Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев» (ст. 49). Ибо за твоим всезна-

нием кто стоит, если не всеведущий Мессия?

Филипп прав: прийти и видеть Иисуса, это все, вся апология, весь метод христопознания. Только надо прийти в соприкосновение с Ним, подойти к Нему откровенно, испытующе, проверяя искренно, и Он покажет душе богоустремленной, что он Мессия, Спаситель, Бог. Все тут основывается на личном, непреходящем опыте. От человека требуется только искренность, тогда Господь Иисус объявляет Себя, показывает, что Он действительно Мессия, действительно Бог и Господь.

1,50-51 Нафанаил видел только одно свойство Божества Христа: всеведение. Но, это у Иисуса не какое-то моментальное, пророческое всеведение, которое Ему, как и остальным пророкам дается на определенное время. Нет, Иисус не только пророк, Он Бог пророков. Этого Нафанаил еще не знает, не понимает. За всеведением и оком всеведения Иисуса стоят и все остальные, пока невидимые, божественные свойства и совершенства, стоит: „вся полнота Божества телесно“ (Кол 2,9): тут за Ним и все небеса, и все ангелы, которые денно-нощно служат ему как Богу и Господу. Богочеловеческая истина: „отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к

Сыну Человеческому“ (ст. 51). – „Отныне небо отверсто“ над землей через Богочеловека Господа Иисуса: Бог на земле, Его снисхождение открыло все небеса над землей; и все небесное войско снисходит к Нему и опять восходят на небо. “Отныне будете видеть”... все кто желают небо и все богатства неба. Вот они в Иисусе Мессии, Сыне Человеческом, Богочеловеке, в котором „вся полнота божества телесно“. Небо уже на земле, ангелы Божии уже на земле, ибо сам Бог уже на земле в Богочеловеке Иисусе.

ГЛАВА 2 – ИИСУС НА СВАДЬБЕ В КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ (2,1-11)

2,1-2 Чудо Иисусово – на свадьбе, на беднячковой свадьбе. Несомненно беднячкой, раз им не хватало вина. Иисус и ученики Его был зван на брачный пир: обычный человек среди обычных людей. Однако, именно этот обычный истинный, правый человек Иисус делает что-то бесконечно необычное, совершает божественное чудо: превращает воду в вино. И это Он делает одним беспримерно простым образом. Совершает невиданное чудо, и снова остается человеком, весь человек, истинный человек. Наверно так и должно быть: что Бог живет и действует в челове-

Чудо в Кане Галилейской. Монастырь Высокие Дечаны, Сербия

ке и из человека как что-то совсем естественное; что человек будет естественное обиталище Бога, его дом, его храм, его тело. В Богочеловеке так и есть: Человек стал и есть тело Божье. И все что Он делает в человеке, из человека, при помощи человека, он делает естественным и нормальным образом. Естественным богочеловеческое единство в человеке, богочеловеческая жизнь, богочеловеческая деятельность.

2,3-4 И до первого чуда при браке в Кане Галилейской одно человеческое существо знает тайну Иисусову. Это Пресвятая Богоматерь. А кто бы знал главную тайну своего ребенка, если не мать. В этом случае – чудесная Богоматерь. От Его божественного зачатия, с того первого благовестия, да через Его чудесное рождения, и дальше: Она складывает в сердце своем тайну на тайну, „хранила все“ это „в сердце своем“ (Лк 2,5), пока это все не сложилось в одно ощущение, в одно ясное сознание: что Иисус – воплощенный Бог. Да, тайну воплощенного Бога первая узнала Она, от которой Он и воплотился. Она и первая узнала о Его божественном всемогуществе, но и о Его божественном смирении. Поэтому Она и осторожно и неприметно общается, что „нет у них вина“. А потом? Он в своем бесконечном человеколюбии будет знать что надо делать. А Он, всемирный, желает им помочь, но так чтобы это было не навязчиво и незаметно, но естественно и нормально.

2,5 Божественная Посредница знает, что надо людям делать, чтобы вызвать смиренного Иисуса на чудотворную деятельность: «Что скажет Он вам, то сделайте» (ст. 5). Это ее изобретение, которое стало вечным началом в человеческом обращении к Богочеловеку о помощи, о спасении, о защите. Всемиловитая, этим она нам указала божественную всемилость: открыла весь путь каждому человеку, путь спасения, путь евангельской жизни и радости и утешения: „Что скажет Он вам, то сделайте“. Это наша участь в Богочеловеческом Евангелии, в Богочеловеческом подвиге спасения. А все остальное – это Богочеловеково. „Что скажет Он вам“ да хотя это

было что-то самое необычное, самое невероятное. А Богочеловек не будет требовать от вас ничего, что вы не сможете сделать, ничего, что не вело бы к вашему спасению, вашей бессмертности, вашему раю.

2,6-8 И они сделали по совету Богоматери. Если бы Ее не было, разве это сделали бы? Наверняка нет. И наполнивши сосуды водой, схватили их и отнесли распорядителю пира вместо вина воду. Кто бы исполнил такое распоряжение Иисуса, исполнил, когда Он еще не был известен ни как пророк, а тем более как Сын Божий и Бог? Поэтому трогательное заступничество Богоматери по сути дела есть половина первого чуда Иисусова. Это и есть знамение на все времена и за все чудеса Иисусовы во все времена? Богоматерь посредствует, а Он чудотворит.

2,9-10 Суд распорядителя „о вине, ставшем из воды“, значимо: он удивляется жениху, что „хорошее вино сберег до сих пор“ (ст. 10). Да, потому что Богочеловек дает вкус вину, вкус всему в мире. Без его божественного посредничества все делается безвкусным. Его божественная сила и в виноградной лозе превращает воду в вино; только мы этого не видим и не знаем; а чудо в Кане Галилейской сделало, что мы это увидим и сознаем. Да этот наш земной мир не есть другое как роскошная выставка все только таких чудес Божьих. Вот, кто это во фиалке, в васильке, в

розмарине превращает в запах воду, воздух, тепло, землю? Кто это в сливе, в яблоке, в вишне превращает воздух и свет в их плод? Кто такое малюсенькое зернушко пшеничное в утробе земной превращает в росток, который растет, дает колосья и приносит плод? Кто если не тот же самый, который в Кане Галилейской воду в вино претворил?

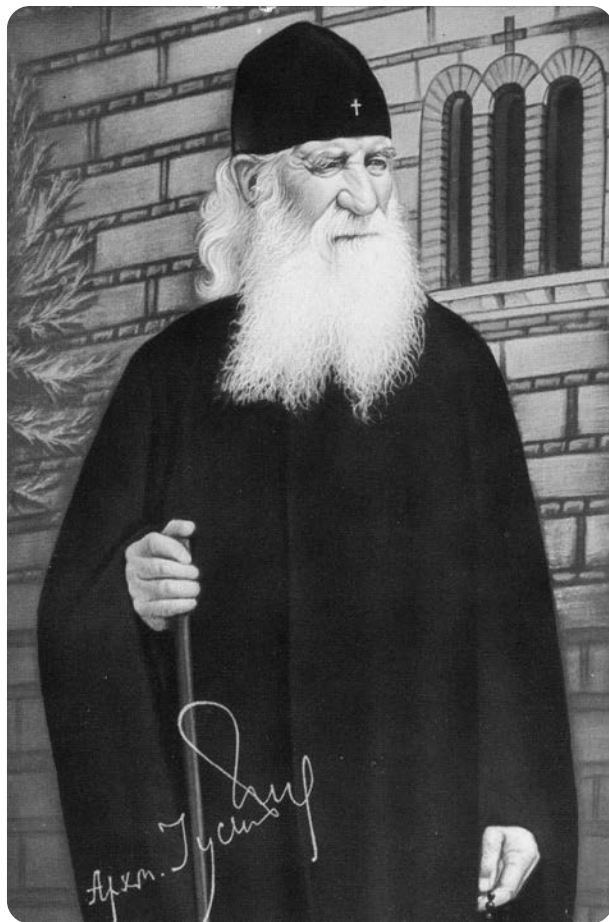
2,11 „Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской!“ (ст. 11): начало, которое объясняет все дальнейшие чудеса Иисуса. „Положил“, чтобы через чуда поверили в чудотворца Богочеловека, ибо в этой вере – спасение людей. А спасение – это цель всей деятельности Богочеловека на земле, да и всех Его чудес от первого до последнего.

Особый смысл первого чуда Иисуса: брак получает свой божественный, бессмертный смысл только с благословения Христова, которое приходит от Его присутствия. А присутствует Он всегда в Церкви Своей. И первое чудо Свое Спаситель совершил на свадьбе, чтобы показать, насколько освящение брака важно для рода человеческого. От святого брака – святая семья, святая семейная жизнь; благословенный брак – благословенная семья, благословенная вся брачная жизнь. А брак становится божественной действительностью и радостью, когда супруги постоянно исполняют божественный совет Богоматери: «Что скажет Он вам, то сделайте». А то, что чудесный Господь сказал и всегда говорит всем супругам и всем людям, это находится в Его святом Евангелии, а оно в святой Церкви Его.

Святой Златоуст благовествует об этом чуде: Иисус был самый известный в Галилее. Поэтому Его и позвали на эту свадьбу, и Он пришел. Он не смотрел на свое достоинство, но на нашу пользу. Он, который не отказался взять на Себя обличие слуги, тем более не мог отказаться присутствовать на свадьбе слуг и быть между званными на свадьбе. Разумеется, те которые его позвали на свадьбу, не точно знали, кто Он, и не звали его как великого человека, а просто как обычного человека и знакомого. На это в каком-то смысле указывают слова святого Евангелиста:

были здесь мати Иисусова и братия его (ст. 1), т.е. Иисуса пригласили как и Мать Его и братию. И когда не стало вина, сказала Мать Иисуса Ему: Нет у них вина (ст. 3). Тут надо обращать внимание, откуда у Матери Его такая возвышенная мысль, что она такое великое думает о Сыне своем, когда до этого времени Он не совершил еще никакого чуда. Ибо Евангелист говорит: Так положил Иисус начало чудесам в Кане галилейской (ст. 11). Если же кто скажет, что тут еще нет достаточно доказательств, что чудо в Кане было начало чудесам, потому что прибавка „в Кане Галилейской“ показывает, что это чудо было первое „в Кане“, а не вообще первое из всех чудес Христовых; ибо вероятно Христос и ранее в других местах творил чудеса;... тогда надо сказать то, что Иоанн сказал, а это: „Я не знал Его; но для того, чтобы Он явлен был Израилю“ (Ин 1,31)... То есть, Он этим чудом начал быть известен всем /Там же Беседа 21,1-2; Migne PG 59, 129-130.

Продолжение следует

протоиерей Илья Лимбергер

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ» ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ КАК ПУТЬ ИСТИНЫ И ЛЮБВИ

Протоиерей Илья Лимбергер

ВВЕДЕНИЕ

В своем письме¹ к Кангранде делла Скала, правителю Вероны и Виченцы, одному из наиболее верных своих покровителей после изгнания из его родной Флоренции, под кровом которого он прожил несколько лет, Данте описывает помимо прочего цель написания Божественной Комедии.

Он говорит, что Комедия призвана сделать счастливым человека, находящегося в состоянии крайнего несчастья. Когда я читаю Комедию – а приближался я к ней в течение последних нескольких лет, несколько запоздало, надо признать – моя душа исполняется крайним изумлением перед тем, с какой силой эта, поставленная Данте перед собой цель, оказывается может быть достигнута. Как православный священник, да и просто как человек, живущий в нашем не очень счастливом мире, я часто соприкасаюсь с разными проявлениями крайнего несчастья, да и сам подчас бываю недалек от такого состояния. Иной раз я вместе с Борисом Пастернаком произношу:

*«Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем»*

И нередко в последнее время, говоря с людьми разных возрастов о различных темах Комедии, я замечал, как глубоко человек начинается задумываться о своей жизни под ее руководством.

Я не стал специалистом по Данте и не стремлюсь к этому. В русской литературе – но, как ни странно, нигде в богословии – есть прекрасные отсылки к нему. Я расцениваю себя как любителя и писал эти строки с точки зрения благодарного читателя, изумленного и вдохновленного прочитанным. Мне хотелось собрать в одном месте некоторые свои мысли последних нескольких лет и поделиться ими с теми, кто, может быть, тоже сможет найти для себя в Комедии вдохновение для жизни в истине и любви.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ДАНТЕ

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...*
(Ад I,1)

Данте Алигьери родился в 1265 году во Флоренции, а умер в 1321 в Равенне, где и похоронен. Будучи изгнан из Флоренции в 1301 году по политическим обстоятельствам, он никогда больше в нее не возвратился². Работу над Божественной Комедией он начал в 1307 – 1308 году, хотя действие происходит на Пасху 1300 г., в котором Данте исполнилось 35 лет. И хотя эта дата не делит жизнь Данте пополам арифметически, она делит ее на две части примерно в соответствии с золотым сечением, что с точки зрения построения Комедии, наполненной всякого рода числовой символикой, значительно интереснее.

Мне хочется рассказать об одном эпизоде в жизни Данте, о котором он сам рассказывает в более раннем своем произведении, написанном еще во Флоренции, под названием «Новая Жизнь». Там он повествует о своей

¹ <http://dante.velchel.ru/index.php?cnt=14&sub=12>

² <https://www.culture.ru/poems/9293/dante>

первой встрече с Беатриче, его музой и сопроводительницей по Раю. Он сообщает, что когда он впервые увидел эту донну, одетую в алое платье, взглянул в ее глаза и увидел улыбку, он ясно понял, что для него началась новая жизнь. В этот момент обоим было ... 9 лет. Когда обоим было 18, им довелось встретиться опять, после чего они встречались в разных компаниях. Данте, правда, пишет, что он избегал встречи с Беатриче, не умея выдержать ее красоты. По обычаю того времени и он и она с детства были обручены своими родителями. Беатриче вышла замуж и, по видимому, венчалась в церкви, в которой она и похоронена. Данте также женился на Джемме Донати, с которой был обручен с детства, и имел с ней троих детей. После его изгнания из Флоренции Джемма не последовала за ним. Отец Джеммы, Манетто Донати, принадлежал к партии черных гвельфов, которая владела над белыми гвельфами, к которым принадлежал Данте, вследствие чего белые были изгнаны из Флоренции. По сообщению другого великого флорентийца Джованни Бокаччо, младшего современника и первого толкователя и биографа Данте, больше они никогда не виделись. Около 1290 года произошло событие, вследствие которого Данте тяжело заболел и чуть было не умер, и которое повлияло на всю его оставшуюся жизнь. В возрасте примерно двадцати пяти лет умерла Беатриче. Бокаччо описывает, как в течение длительного времени Данте пребывал «в таком горе, в таком сокрушении, в таких слезах, что многие из его наиболее близких родственников и друзей боялись, что дело может кончиться только смертью. И думали, что последует она в скором времени, ибо видели, что он не поддается никакому сочувствию, никаким утешениям». В таком состоянии он пребывал в течение года. «Он стал худ, оброс бородою и перестал совсем быть похожим на прежнего». Данте, однако, выходит из кризиса с помощью литературы и поэзии. Как раз в конце этого, самого страшного года своей жизни, он и пишет Новую Жизнь, в которой клянется написать и прославить Беатриче так, как никто никогда не писал ни об одной женщине.

Результатом этого стремления и стала Божественная Комедия.

АД И РАЙ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упованья*
Ад III,7

Со времени той пратрагедии, которую мы называем грехопадением, человек живет на пороге Ада, сохраняя тем не менее поддержанную Откровением интуицию о Рае. В соответствии с этим, в мировой литературе есть множество прекрасных, подлинных описаний Ада. Пожалуй самое древнее из дошедших до нас произведение литературы – шумерский эпос о Гильгамеше – это своего рода описание Ада. Созданный по-видимому в третьем тысячелетии до Христа, эпос повествует о царе Урука Гильгамеше, который, столкнувшись со смертью любимого друга Энкиду, отправляется в странствие, чтобы встретиться с Утнапиштимом, месопотамским Ноем, пережившим всеобщий потоп и получившим от богов вечную жизнь. Гильгамеш хочет узнать у Утнапиштитима, каким образом и он может жить вечно. Придя к берегу Великого океана, Гильгамеш встречается с хозяйкой трактира Сидури, куда боги приходят в перерывах от своих дел, и сообщает ей о цели своего путешествия. И вот что говорит ему Сидури³:

*«Но для чего, Гильгамеш, ты столько
бродишь?
Бессмертья, которого хочешь, ты не
отыщешь!
Когда род людской создавали боги,
Смерть они приказали роду людскому
И в своих руках жизнь сохранили.
Ты, Гильгамеш, наполняй свой желудок,
Забавляйся ты и днем, и ночью,
Каждый день устраивай праздник,
Каждый день будь доволен и весел,
Пусть твои одеяния будут пышны,
Голова умощена, омыто тело,
Любуйся ребенком, твою хватающим руку,
Пусть к твоей груди припадет супруга!»*

³ Перевод, скорее переложение, Николая Гумилева
<https://gumilev.ru/translations/3/>

Не похоже ли это и на описание Ада в эпиграфе? *Входящие, оставьте упования...* Обозревая в доступной мне степени мировую литературу от Гомера (Илиада – пример нескончаемого Ада) до писателей современности, я отмечаю, что многие произведения являют собой подлинное описание Ада. К примеру, такие романы, как Евгений Онегин, Герой нашего времени, Мертвые души, романы Достоевского, Толстого, Томаса Манна и многих других могут рассматриваться в качестве его представления.

Наряду с этим, подлинные описания Рая, несмотря на интуицию и жажду Рая, присутствующих в человечестве, найти сложнее. Насколько я понимаю, такие писатели, как Гоголь или Достоевский хотели или даже пытались создать описание Рая. Это, однако, не получилось ни у кого. Гоголь, говорят, сжег продолжение Мертвых душ; Достоевский умер, так и не написав своего положительно-го героя в продолжение Братьев Карамазовых. Даже Чистилище, и то вышло у него не слишком правдоподобно и ярко, когда он описывает, а скорее лишь намекает, на исцеление Раскольникова.

ЛЮБОВЬ НА ВОСТОКЕ И НА ЗАПАДЕ

На мой взгляд во всей мировой литературе существует лишь два цельных и подлинных описания Рая. Это в первую очередь библейская книга Песнь Песней. Затем – Божественная Комедия Данте. Замечательно, что в обоих произведениях в центре стоит тема Любви, которая существенным образом связана с Раем.

ЛЮБОВЬ В ПЕСНЕ ПЕСНЕЙ

*Да лобзает он меня лобзанием уст своих!
Ибо ласки твои лучше вина.*

Песн 1:2

*Все песни святы, но Песня Песней – святая
святых*

Рабби Акива бен Йосеф⁴

⁴ Иудейский мудрец, 50 – 135 год после Рождества Христова, ему приписывается аллегорическое толкование Песни, которое утверждает, что под Женихом Песнь подразумевает Бога, под Невестой – народ Израиля. Именно Акива, как утверждается, существенным образом повлиял на включение Песни в еврейскую Библию

Древняя, как еврейская так и христианская, традиция толкования этой жемчужины библейской поэзии, подчеркивает аллегорический смысл этой любовной лирики. В еврейском понимании речь идет о любовных взаимоотношениях между Богом отцов и избранным народом. В христианском – между Христом и Церковью, а также между Христом и душой каждого человека. Думается, что эти толкования не противоречат друг другу.

Начиная свое толкование этой сравнительно краткой библейской книги с небольшого вводного письма Олимпиаде диакониссе, св. Григорий Нисский говорит, что его цель состоит в том, чтобы «соделать явным сокровенное в речениях любомудрие, здравыми понятиями очищенное от буквального, с первого взгляда усматриваемого, словозначения»⁵. В продолжение введения святитель защищает аллегорический метод толкования этой книги от любителей слишком буквального понимания текста. Также, св. Иоанн Златоуст говорит: «О, воздыхания из глубины сердца, порождающие струи Христовой любви! О, воздыхания, привлекающие к себе Небесного Жениха Христа! Об этом сама (Церковь) говорит: «да лобзает он меня лобзанием уст своих»».

Неудивительно, что возникает потребность каким-то образом очистить и обезвредить буквальное содержание Песни. Ведь в иных местах оно кажется прямо неприличным. Для подтверждения этого тезиса, читатель призывается сам прочесть эти небольшие восемь глав.

При всей несомненной легитимности аллегорического – я бы с большим удовольствием назвал его метафорическим – метода

(Танах). Ему же приписывается Талмудом изречение: «ничто в мире не сравнится с тем днем, когда была дана Израилу Песня Песней» (трактат Ядаим III,4-5). Любопытно, что Песнь Песней читается евреями в субботу, которая попадает между первым и восьмым днем Песаха (Пасхи). Не об этом ли говорит Евангелие от Иоанна, когда упоминает, что «та суббота была день великий»? (Ин.19,31)

⁵ Св. Григорий Нисский, Изъяснение Песни Песней Соломона. https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/izyasnenie-pesni-pesnej-solomona/

толкования Священного Писания и, в особенности, Песни Песней, он не отвечает на один вопрос, который, как мне кажется, является существенным, и без ответа на который, данное толкование остается неполным и, в конечном итоге, не востребуемым верующим человеком. Вопрос этот заключается в следующем. Положим, мы «очистили» смысл данной книги от его «буквального» понимания и дошли-таки до истинного и чистого толкование ее в вышеозначенном смысле. По какой же причине, однако, Песнь облакает сей «чистый» смысл в столь «недолжный» буквальный смысловый ряд? Иными словами, почему Любовь между Богом и народом, Христом и Церковью, Христом и душой человека символически выражается через любовь юноши и девы, данной в Песни таким образом, что именно это и нуждается в «очищении»? Иными словами, почему по форме – любовь в Песне конкретна и телесна, по толкованию – духовна и абстрактна? И каким образом они взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом?

Каким же образом связаны духовное содержание Песни и те описания, которыми она пользуется в качестве метафор? Каким образом влюбленность, влечение, заморозенность влюбленных друг другом, повторяющиеся описания телесной привлекательности, взаимной вожденности тела другого, откровенные и трогательные описания чувств друг друга служат метафорой Божественной любви и Рая? Чисто аллегорическое изъяснение этой книги не только не дает ответа на этот существенный вопрос, но намеренно уводит от него.

Для того, чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы и углубить понимание смысла Песни, как описания Рая, раскрытию – а не сокрытию – которого как раз и служит именно такое буквальное содержание, необходимо обратиться к библейскому пониманию того, что случилось с человеческой любовью вследствие той пратрагедии, которую мы называем грехопадением Адама.

«...И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и

сделали себе опоясания» (Быт 3:7). Первое следствие грехопадения – непреодолимый стыд друг друга, в первую очередь своего тела, а за ним и всего остального.

Адам «...сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся» (Быт 3:10). Второе следствие – непреодолимый страх перед Богом, как смертельной опасностью.

«...жена, которую Ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел.» (Быт 3:12). Третье следствие – непереносимое чувство вины и желание освободиться от него путем перекалывания ее на жену и на Бога.

Стыд, страх, вина – три духа Ада, которые отныне будут преследовать Адама⁶ – и особенно на путях любви. Николай Гумилев в стихотворении «Сон Адама» выразил это так:

*И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
В зловещем мерцании ее жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.
Так золото манит и радуется взгяду,
Но в золоте темные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд,
Не в силах насытить, смеются и мучат,
И стоном и крикам неистовым учат.
Он борется с нею. Коварный, как змей,
Ее он опутал сетями соблазна.
Вот Ева – блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева – святая, с печалью очей,
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.⁷*

Однако дело обстоит еще хуже, еще безнадежней. Следствием действия в Адаме этих трех духов, он предаёт свою жену – возлюбленную, кость от костей, плоть от плоти, нареченную им Женою, перед которою он «был наг и не стыдился». Перед лицом страха перед Богом, как перед диким зверем, Адам

⁶ На языке Библии – Адам одновременно и данный конкретный первозданный человек, и весь человеческий род

⁷ Николай Гумилев, Сон Адама.
<https://www.culture.ru/poems/38888/son-adama>

бросает ее на растерзание. «...жена, ... она дала мне, и я ел». Он как бы восклицает: «Ее, накажи ее! Но не меня!». В литературной форме именно этот процесс и его последствия выражены в гениальном романе Джорджа Оруэлла «1984», который необходимо читать не только, и не столько, как политическую антиутопию, сколько как (анти-)любовный роман. Ведь и там герой и его Жена, со всей пылкостью полюбившие друг друга, принужденные пройти через обоюдное предательство и выпущенные после этого на свободу, могут встречаться друг с другом. Но любовь мертва, она не подлежит восстановлению. Таким образом безнадежная проклятость политической системы Океании, описанная Оруэллом, отражается в безнадежной проклятости преданной любви Уинстона и Юлии. Непонятно, как Оруэлл, неверующий британский интеллектуал, смог столь подлинно описать в романе Ад, как трагедию первой человеческой любви, описанной в простых и не бросающихся особенно в глаза строках третьей главы книги Бытия.

Итак, искажение любви между Богом и Адамом, между Адамом и женой, и предательство последними Бога и друг друга являются основанием означенной пратрагедии, а стыд, страх и вина остаются теми силами, которые продолжают действовать в разобщенном и отчужденном Адаме-человечестве. Об этом свят. Николай Сербский говорит так: «Посмотрел Ворон всемилостивым взглядом на зеленые сосны, на рыжих лисиц, на пестрых птиц, на глазастых рыб в серебряном озере и промолвил: „Видел я самого себя, раздробленного, замаскированного, отчужденного, самозабывшего, скованного – самого себя“». И совершенно неслучайным представит в свете сказанного слово Господне к Жене: «... к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт 3:16). Только так можно было – до пришествия полноты времен – предотвратить ту крайнюю вражду между Адамом и женой, в которую могли развиться их дальнейшие отношения вне Рая, когда жена уже получила имя Ева.

Интуиции Рая пребывают, однако, в душе человека непрестанно. Рая, понятно, не как места, но как состояния и отношения, как избавление от духов Ада. Так вот Песнь Песней – как по форме – человеческой любви, так и по метафорической отсылке с помощью этой формы к Божественной любви, является подлинным, аутентичным описанием Рая. В отношениях возлюбленных, к которым мы через нее имеем честь быть причастными, нет ни капли стыда, ни вины, ни страха. Предательства не существуют, его и не было и не может быть в пространстве этой поэмы. Там никто не должен ни о чем жалеть, ничего стыдиться, никого бояться. Во всей Песне Бог не упоминается ни разу⁸, но Его присутствие разлито по всему ее пространству и чувствуется в каждом слове. «От благовония мастей твоих имя твое – как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя» (Песн н.1:2). Разлитое миро уже не видно, но его присутствие не может быть не замечено, разве что у человека напрочь отсутствует обоняние.

Итак, возможно ли исцеление Любви? И каков путь этого исцеления? На первый вопрос положительно отвечает единственная «райская» книга Библии. По ее версии Рай – это исцеленная первая Любовь, освобожденная от, или даже никогда не знавшая, страха, стыда и вины. Это не трактат о любви, а сама любовь – без вины; без стыда; без страха – к которой мы можем приобщиться через глаза и сердца самих безымянных любящих. Как раз поэтому именно такая форма придана ей ее автором. Именно поэтому только эта форма и может указывать, отсылать, раскрывать Божественную любовь. Как раз поэтому эту книгу не следует «очищать» от ее формы, а

⁸ Это, быть может, не совсем так. В стихе 8:6 за словом «шальейбет» - пламень, следует окончание «йаһ», который в синодальном переводе передается как «весьма сильный». «йаһ», однако, является также иератическим суффиксом (например в таких именах, как Илия, Исайя) и указывает на Имя Божие. Так что данный шестой стих восьмой главы можно было бы (и это делается) передать следующим образом: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень от Господа (от Я(хве))» (Песн 8:6)

как раз наоборот, читателю, который еще пребывает в Аду, чья любовь еще пребывает неисцельной, необходимо ею очищать себя. Именно поэтому она названа «святое святых». И, по-видимости, поэтому мы, читая ее, чувствуем стыд и страх от ее безвинной откровенности, а также вину за свою искаженную, неисцеленную и все еще токсичную любовь.

Все это, думается, понимал Данте, когда размышлял над этой книгой. Ибо тема исцеления Любви, а значит и ответ на второй вопрос – основная тема Комедии.

Любовь в Божественной Комедии

*Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,
Любовь, что движет солнце и светила*
Рай XXXIII, 142

В Божественной Комедии – 3 части-кантики, в каждой по 33 песни. Всего вместе песен, однако, 100. Это происходит из-за того, что Аду предпосылается вводная первая песня и, таким образом, в первой части Комедии 34 песни. Для Данте числа 3, 7, 10 и их комбинации, особенно 9, 33, 100, являются важными носителями метафорического смысла. Надо сказать, что таковых зашифрованных носителей в Комедии – без числа. Многие были найдены за последние 700 лет исследования. Они, однако, продолжают всплывать там и тут, как таинственные медузы из глубины моря. Придав Аду – а не Чистилищу или Раю – одну лишнюю песню, Данте с одной стороны получает 100 песней, что для него является знаком полноты, а с другой показывает, что Ад – это аномалия, нарушение гармонии.

Во всех трех частях Комедии тема любви – и истины, которая для Данте неразрывно связана с любовью, – находится в центре рассмотрения. Отверженные души попадают в Ад вследствие непоправимого поражения любви и истины. Так, например, в первом круге мучатся, носимые никогда не прекращающимся бурным ветром те, кто шел на поводу плотских вожделений. О них Данте говорит так:

*И я узнал, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.*
Ад V, 37

Однако, Данте не морализирует, для него осуждение грешников не предмет морального удовлетворения. Напротив, в каждом круге Ада (и Чистилища) он сочувствует заключенным там душам, чувствуя свое родство с ними. Это сочувствие простирается иной раз до обморока. Встретившись с Паоло и Франческой, история любви и смерти которых в то время была широко известна, Данте спрашивает о их истории. Франческа отвечает:

*О ласковый и благостный живой,
Ты, посетивший в тьме неизреченной
Нас, обagrивших кровью мир земной;
Когда бы нам был другом царь вселенной,
Мы бы молились, чтоб тебя он спас,
Сочувственного к муке сокровенной.*
Ад V, 88

Затем Франческа рассказывает историю их запретной влюбленности:

*Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.*
Ад V, 103

Выслушав это, Данте завершает рассказ и пятую песнь:

*Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.*
Ад V, 139

В других частях Ада мучатся преступники против любви: чревоугодники, скупые и чрезмерно расточительные, гневливые, насильники, самоубийцы, предатели, вплоть до самого дна, где в трех пастях Люцефера угрызаются три главных, с точки зрения Данте, предателя человечества – Брут, Кассий и Иуда.

Также и в Чистилище проходят путь добровольного и желательного ими самими очищения души, согрешившие против Любви – гордецы (к которым Данте причисляет самого себя), завистливые, гневные, унылые, корыстолюбивые и так далее. Во всем этом Данте видит пре-

ступления против любви и говорит об этом. Но вот что замечательно. В 17 песни Чистилища, то есть в самом центре всего произведения – если не считать первой, вводной песни Ада, то до 17 песни Чистилища 33 песни Ада плюс 16 Чистилища, а после также 16 Чистилища плюс 33 Рая, – он помещает развернутое толкование своего понимания Любви. Таким образом, если в других песнях догадливый читатель может сам дойти до мысли поэта, то в центре поэмы Данте дает целостное раскрытие своего понимания Любви, «что движет солнце и светила». Это учение он влагает в уста своего руководителя по Аду и Чистилищу Вергилия, которого перед тем спрашивает:

*Потом, лицо к поэту обращая:
„Скажи, какая, – я сказал, – вина
Здесь очищается, отец мой милый?
Чистилище XVII,82*

Учитывая, что поэты находятся в четвертом круге Чистилища, где пребывают души унылых, которые здесь несутся в постоянном непокое, Вергилий начинает свой ответ так:

*Любви к добру, неполной и унылой,
Здесь придается мощность, – молвил тот. –
Здесь вялое весло бьет с новой силой.
Чистилище XVII,85*

То есть, с точки зрения Данте, уныние является следствием немощной любви к добру, которая в Чистилище должна окрепнуть. Затем Вергилий начинает раскрывать теорию Любви так:

*Мой сын, вся тварь, как и Творец верховный, –
Так начал он, – ты это должен знать,
Полна любви, природной иль духовной.
Природная не может погрешать;
Вторая может целью ошибиться,
Не в меру скудной иль чрезмерной стать.
Пока она к высокому стремится,
А в низком за предел не перешла,
Дурным усладам нет причин родиться;
Но где она идет стезею зла
Иль блага жаждет слишком или мало,
Там тварь завет Творца не соблюла.
Отсюда ясно, что любовь – начало
Как всякого похвального плода,
Так и всего, за что карать пристало.
Чистилище XVII,91-105*

Таким образом, все творение полно Любви, поскольку сотворено «Творцом верховным». Любовь разумных существ («духовная») может, однако ошибаться, становясь либо слишком скудной, как у унылых либо чревоугодников, либо «чрезмерной», как у корыстолюбивых, гневливых или завистливых. От этого Любовь является как началом спасительного плода, так и причиной кары.

Любовь в Раю является в качестве могучей движущей силы. Но прежде, чем перейти к Раю, по которому Данте передвигается от счастья к счастью в сопровождении Беатриче, скажем несколько слов о их заветной встрече, которая происходит следующим образом.

В последнем, седьмом круге Чистилища, огнем наказываются сладострастники. Кстати сказать, вопреки более поздним западным представлениям о чистилище⁹, у Данте только эта категория ошибившихся в любви исправляется огнем, соответствующем страсти, которой они были подвержены. Для того, чтобы выйти из этого круга на «ту» сторону, Вергилий и Данте должны пройти через стену огня. Для Данте это составляет, однако, непреодолимое препятствие. Вергилий начинает его уговаривать, указывая на то, как он вел его под сводами Ада и не оставит его и теперь. Данте, тем не менее, не может сделать ни шагу вперед.

*„Отбрось, отбрось все, что твой дух сковало! (говорит Вергилий)
Взгляни – и шествуй смелою стопой!“
А я не шел, как совесть ни взывала.
Чистилище XXVII,31*

И тут Вергилий напоминает ему о Беатриче: *При виде черствой косности такой
Он, чуть смущенный, молвил: „Сын, ведь это
Стена меж Беатриче и тобой“.
Чистилище XXVII,34*

После чего Данте собирается с духом и вступает в море огня. Находясь внутри его и ощущая непреодолимый жар, он с трудом передвигается. Вергилий ободряет его:

⁹ С которыми, кстати, и спорят православные авторы. Смотри к примеру «Десять аргументов против существования чистилищного огня» свят. Марка Эфесского (<https://lib.pravmir.ru/library/readbook/607>)

*Мой добрый вождь, чтобы я шел смелей,
Вел речь о Беатриче, повторяя:
„Я словно вижу взор ее очей“.*

Чистилище XXVII,52

Передвигаясь таким образом, поэты наконец выходят на свет, к так называемому «земному раю», который, в отличие от собственно Рая, располагающегося в небесных сферах, находится на вершине горы Чистилища и представляет из себя (временно?) опустевший исконный земной рай, место обитания Адама и его жены. Мне хотелось бы подчеркнуть одну важную для понимания Любви (а значит и Рая) особенность этого рассказа. В отличие от многих произведений мировой литературы, любовь Данте к Беатриче не только не мешает его пути к Всевышнему, но, напротив, является средством и мотором его стремления к Истине, Любви и их Творцу. Это важно отметить для того, чтобы лучше был виден контраст двух дополняющих друг друга, но зачастую конкурирующих друг с другом пониманий места любви в жизни человека-христианина. Должен ли человек ради достижения Единого блага отвергнуть все другие блага, включая всякую земную привязанность? Или же эта привязанность может быть тем двигателем, который приводит его к единению с Богом, будучи неразрывной, необходимой составляющей этого пути? На первый вопрос положительно отвечает некоторая часть аскетической традиции Православия. Положительное решение второго вопроса дается в предыдущем отрывке, а также в разных частях Рая, к которым мы вернемся чуть позже.

Однако сначала мне хотелось бы остановиться на тридцатой песне Чистилища, где Данте наконец встречается с Беатриче. Это встреча чрезвычайно драматична и раскрывает опыт покаяния, как его описывает великий поэт.

Пройдя через огненную стену благодаря надежде на встречу с Беатриче, Данте попадает в прекрасный сад, который он идентифицирует с земным раем, местом, где некогда обитал Адам. Остановясь на берегу реки, которая впоследствии окажется Летой, про-

ходя через которую души спасенных освобождаются от памяти всего зла, которое они узнали в своей земной жизни, поэту является величественная, можно сказать, литургическая процессия на противоположном берегу, состоящая из сияющей колесницы, влекомой таинственными грифонами и окруженной двадцатью четырьмя старцами и четырьмя пророческими животными. На колеснице возвышается некая Жена. Данте уже начинает догадываться, что предстоит встреча с той, о которой Песнь Песней говорит так: *«Кто эта, восходящая от пустыни как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника?»* (Песн 3:6). И еще: *«Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?»* (Песн 6:10). То, что и сам Данте в этом месте сознательно отсылает к Песни Песней свидетельствует песнь тридцатая. Когда торжественная процессия останавливается,

*... шедший в веренице,
Перед Грифоном, праведный собор
С отрадой обратился к колеснице;
Один, подъяв вдохновенный взор,
Спел: „Veni, sponsa, de Libano, veni!“ –
Воззвав трикраты, и за ним весь хор.*
Чистилище XXX,10

Латинский текст означает *«Гряди, невеста, от Ливана, гряди»*. Более развернутая цитата гласит: *«Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! спеши с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых! Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.»* (Песн 4:8-9)

Поэт, понимая, с кем ему сейчас предстоит встретиться, не в состоянии взирать на ее явление и уклоняет глаза свои на землю, ищет поддержки у Вергилия, только чтобы обнаружить, что его спутник исчез. Казалось бы, сейчас путешественник, прошедший Ад и Чистилище наконец-то будет утешен той, которую «любит душа» его (Песн 3:1). Беатриче, однако же, обращается к нему со словами

упрека, называя – единственный раз во всей Комедии – Данте по имени:

*Дант, оттого что отошел Вергилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили
Чистилище XXX,55*

И далее:

*Но, с царственно взнесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой:
„Взгляни смелей! Да, да, я – Беатриче.
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?“
Чистилище XXX,70-75*

Данте склоняет глаза к ручью, но видя свое отображение и стыдясь сам себя, вынужден смотреть на траву, не отражающую его лика. В то время как ангелы, окружающие колесницу, поют: «In te, Domine, speravi», то есть «На Тебя, Господи, уповаю», явно сочувствуя поэту и прося ему милости, Беатриче продолжает свое обличение, обращаясь теперь к ним:

*Он в новой жизни был таков когда-то,
Что мог свои дары, с теченьем дней,
Осуществить невиданно богато.
Но тем дичей земля и тем вредней,
Когда в ней плевел сеять понемногу,
Чем больше силы почвенной у ней.
Была пора, он находил подмогу
В моем лице; я взором молодым
Вела его на верную дорогу.
Но чуть я, между первым и вторым
Из возрастов, от жизни отлетела, –
Меня покинув, он ушел к другим.
Когда я к духу вознеслась от тела
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.
Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья – лишь посул пустой.
Напрасно я во снах к нему взывала
И наяву, чтоб с ложного следа
Вернуть его: он не скорбел нимало.
Так глубока была его беда,
Что дать ему спасенье можно было
Лишь зрелищем погибших навсегда.
Чистилище XXX,115-138*

Другими словами, после смерти «между первым и вторым из возрастов» – она умерла в двадцать пять лет – Беатриче «силой возросла и красотой», душа же Данте «к любимой охладела» и он настолько сошел с правой стези, что спасти его стало возможно, лишь проведя его через Ад. Беатриче затем рассказывает, как она, выйдя из Рая, спустилась до Лимба, места обитания дохристианских праведников, и умолила Вергилия помочь Данте пройти через обитатели «погибших навсегда». Видя, что Данте ни жив ни мертв и завершая свою речь, Беатриче говорит следующее:

*То было бы нарушить Божий рок –
Пройти сквозь Лету и вкусить губами
Такую снесь, не заплатив оброк
Раскаянья, обильного слезами
Чистилище XXX,142-145*

Таким образом, только пройдя Ад и Чистилище и все их ужасы и препятствия, поэт – опять-таки не сам, но через слова Беатриче – приходит к истинному познанию себя, своего жизненного пути, тех невозвратимых и непоправимых ошибок, которые он совершил через свои собственные решения. Что стоит наше размытое, часто затасканное покаяние перед Богом или священником перед лицом такого поворота? Не следует ли стремиться к тому моменту, когда истина нашей жизни предстанет перед нами во всей обнаженности? Об этом знал другой средневековый поэт:

*Мне ведомо, что близок день Суда,
И на Суде нас уличат во многом,
Но Божий Суд не есть ли встреча с Богом?
Где будет Суд? – я поспешу туда!¹⁰*

Об этом знал и Данте. Теперь только он готов погрузиться в Лету и перейти на другой берег к Беатриче, которая от ныне станет его спутницей в его восхождении в небесный Рай и руководительницей его все возрастающего счастья.

Вернемся теперь кратко к вышезаданному вопросу, как Данте раскрывает антиномию Любви. Вопрос заключается в следующем. Любовь к чему бы то ни было в этом мире, а особенно к другому человеку, закрывает от нас Бога или, напротив, открывает

¹⁰ Григор Нарекаци, Книга скорбных песнопений

Его? Поэтическое решение, раскрываемое в третьей кантике – и тут автор, как мне видится, являет себя как верный ученик Песни Песней – осуществляется следующим образом.

ГЛАЗА И УЛЫБКА БЕАТРИЧЕ

Путешествие по девяти ступеням – небесам Рая происходит при помощи Божественного света. Именно он является, если можно так выразится, средством передвижения с одного уровня на другой, а также средством общения с находящимися на разных уровнях душами. Последние проявляют себя через свет и общаются с Данте при помощи его модуляции. Таким образом, зрение в конце Чистилища и на всем протяжении Рая является основным чувством восприятия и методом восхождения. Трудность для путешественника состоит, однако, в том, что он-то еще жив, он не прошел еще через смерть, не стал чистым духом, не «дозрел» до Рая в Чистилище, и потому не может вполне пользоваться Светом в качестве способа передвижения и общения. Свет слишком ярок для еще плотских очей Данте, который не в состоянии взирать на него, а в нескольких эпизодах и вообще слепнет. Приведем для начала один пример. После укоров Беатриче, которые необходимы Данте, чтобы перейти Лету, он наконец может взглянуть на ту, которая – к 1300 году, в который помещено действие Комедии – была мертва уже десять лет.

*Мои глаза так алчно утоляли
Десятилетней жажды жгучий зной,
Что все другие чувства мертвы стали;
Чистилище XXXII,1*

Однако,
*Упадок зренья, свойственный глазам,
В которых солнце свежее отразилось,
Меня на время приобщил к слепцам;
Чистилище XXXII,10*

Для очей Данте даже Беатриче, сияющая отраженным Светом, слишком ярка.

Как же восходить к Превечному Свету в таких условиях? Далеко идущее по своему значению решение состоит в том, что Беатриче, будучи чистой душой и возросшая уже «силой и красотой» в Раю, свободно путеше-

ствует по уровням Рая, взирая открытым взором на источник Света. Сам же Данте, не имея такой возможности, смотрит в глаза и на улыбку Беатриче, и таким образом передвигается вместе с ней.

*Одно могу сказать про то мгновенье, –
Что я, взирая на нее, вкушал
От всех иных страстей освобожденье,
Пока на Беатриче упал
Луч Вечной Радости и, в ней сияя,
Меня вторичным светом утолял.
„Оборотись и слушай, – побеждая
Меня улыбкой, молвила она. –
В моих глазах – не вся отрада Рая“
Рай XVIII,13-21*

Возношение на седьмой уровень Рая происходит таким образом:

*Уже моя властительница снова
Мои глаза и дух мой призвала,
И я отторгся от всего иного.
Она, не улыбаясь, начала:
„Ты от моей улыбки, как Семела,
Распался бы, распавшись, как зола.
Моя краса, которая светлела
На ступенях чертогов божества,
Как видел ты, к пределу от предела,
Когда б не умерялась, такова,
Что, смертный, испытал ее сверканье,
Ты рухнул бы, как под грозой листва.
Мы на седьмое вознеслись сиянье...
Рай XXI,1-13*

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в опыте Православия (да и католичества) приближение к Божественному Свету и Любви описывается по большей части как плод отречения от любой другой любви либо привязанности, которые ощущаются как препятствие на пути восхождения человека к Богу. Так, например, Сотницы о любви преп. Максима Исповедника открываются словами: «Любовь есть благое расположение души, в соответствии с которым она ничего из сущего не предпочитает ведению Бога. Но навык такой любви невозможно приобрести тому, кто имеет пристрастие к чему-либо земному»¹¹.

¹¹ https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Sidorov/tvore-nija-prepodobnogo-maksima-ispovednika-kniga-i-bogos-lovskie-i-asketicheskie-traktaty/3

Или так: «Если все сущие произошли через Бога и ради Бога, и если Бог лучше сотворенного Им, то покидающий несравнимо лучшего Бога и обращающий свое внимание на вещи худшие показывает, что он предпочитает Богу сотворенное Им». Таким образом получается, человек призван выбирать – либо Бога, либо что-либо сотворенное Богом. Противоречие кажется непримиримым, синтеза не дано.

Источником этого опыта является в первую очередь монашеская традиция, внутри которой отречение от «мира и всего, что в мире» является первой ступенью восхождения. И хотя монашеский путь многократно и прекрасно себя оправдал в истории Церкви, его подход представляет собой определенную дилемму для тех, кто избрал для себя иной путь в жизни и в Церкви. Поскольку таких подавляющее большинство – на многомилионную и достаточно живую Украинскую Православную Церковь приходится примерно пять тысяч монашествующих, что составляет намного меньше одного процента верующих – то возникает правомочный вопрос, может ли монашеская традиция быть интегрирована в жизнь и опыт этих людей. Не выходит ли, скорее, так, что воспринимая – в основном из книг – идеи монашеского отречения от мира, эти люди начинают почитать свою ежедневную жизнь в семье и на ра-

боте, как нечто недолжное, профанное, не заслуживающее по-настоящему веры, надежды и любви? И не лишаются ли они от этого тех сил и тепла души, которые необходимы для достойного прохождения их поприща и достижения Богообщения и Рая (не как места, а как состояния души и духа)? Не получается ли так, что ориентируясь на монашеский идеал, семейные христиане и монахи не становятся и свою жизнь не проживают в полноте своего желания и жизненных сил? Мне думается, что решение, предлагаемое Божественной Комедией может помочь нам оценить именно нашу семью, нашу работу, наши социальные и иные связи в этом мире, не как помеху, а как мотор на нашем пути к Богу. Не должны ли мы, взирая на глаза и улыбку наших мужей, жен, детей, коллег, и, может быть, даже свекровей и тещ, осуществляя нашу деятельность в мире – строя дома, программируя компьютеры, лечя людей и воспитывая детей, осознавать эту деятельность не как помеху для поста и молитвы, но как путь восхождения к Тому, у Которого собрано воедино все, «что разлистано по всей вселенной»?

*О Вышний Свет, над мыслию земною
Столь вознесенный, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною
И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!*
Рай XXXIII, 67-72

*О щедрый дар, подавший смелость мне
Вонзиться взором в Свет Неизреченный
И созерцанье утолить вполне!
Я видел – в этой глубине сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей вселенной:
Суть и случайность, связь их и дела,
Все – слитое столь дивно для сознанья,
Что речь моя как сумерки тускла.*
Рай XXXIII, 82-90

ДАНТЕ И СВ. ГРИГОРИЙ ПАЛАМА

Св. Григорий Палама, певец и защитник опыта Божественного Света, родился в 1296 году, скончался в 1359. Таким образом он яв-

ляется младшим современником Данте. Основная фаза споров Паламы с Варлаамом из Калабрии, Григорием Акиндином и Никифором Григорой приходится на тридцатые – сороковые годы XIV столетия. Можно только пожалеть, что зачинщиком спора выступил высокомерный и задирчивый Варлаам, убежденный в превосходстве своей философии. Будь на его месте Данте Алигьери, споры, как мне думается, могли бы договориться. Дело в том, что Божественным Светом пронизано все путешествие Данте по Чистилищу (отчасти) и Раю. Утверждая во всех смыслах и отношениях ценность света тварного – не случайно все три кантики Комедии заканчиваются словом «звезды» – в переводе Михаила Лозинского, которым я пользуюсь здесь, «светила» – поэт утверждает преимущество Света нетварного, как первичного по отношению к первому. Так что там, где у Паламы вследствие полемической заостренности, а, быть может, и вследствие уже упомянутой мною монашеской традиции, проходит резкая граница между светом и Светом, у Данте возникает некий синтез, в котором возможно приобщение света тварного Нетварному. Во всяком случае можно утверждать, что западное богословие XIV века не исчерпывалось позицией Варлаама и прочих оппонентов св. Григория. Эта тема, как мне кажется, заслуживает отдельного исследования. Но уже здесь справедливости ради надо отметить, что Запад в своем дальнейшем богословском развитии пошел-таки путем Варлаама, а не Данте. Именно утверждение Варлаама о том, что Бог познается *только* через познание природы, легло в основу столь страстного занятия природоведением, которое и привело к такому бурному развитию науки на Западе. Ведь если поверить по-настоящему, что Бог познается исключительно через познание природы, то человеку естественно употребить все силы своей души и своего ума для достижения этой цели. Именно это и произошло, и поэтому Наука является в некотором роде плодом искаженного подхода к Богообщению.

Данте не делает специального богословского различия между светом тварным и Нетварным. Тем не менее ясно, что именно Нетварный Свет является надеждой в Чистилище, а в Раю – пищей, питием, одеждой и радованием блаженных душ. Примеров этому множество. Я же ограничусь несколькими.

Поднимаясь с трудом по кругам Чистилища, путники – Вергилий и Данте – укрепляются надеждой на силы свыше:

*К Сан-Лео всходят и нисходят к Ноли,
И пеший след к Бисмантове ведет;
А эту кручу крылья побороли, –
Я разумею окрыленный взлет
Великой жажды, вслед вождю, который
Дарил мне свет и чаянье высот.*

Чистилище IV,25-30

Идя далее, Данте встречается с некими душами, которые приветствуют его так:

*„Душа, идущая в блаженный свет
В том образе, в котором в жизнь вступала,
Умерь свой шаг! – они кричали вслед. –
Взгляни на нас: быть может, нас ты знала
И весть прихватишь для земной страны?
О, не спеши так! Выслушай сначала!
Мы были все в свой час умерщвлены
И грешники до смертного мгновенья,
Когда, лучом небес озарены,
Покаялись, простили оскорбленья
И смерть прияли в мире с Божеством,
Здесь нас томящим жаждой лицемерья“.*

Чистилище V,46-57

В Раю, однако, интенсивность приобщения Свету становится совсем иной.

*В том Свете дух становится таким,
Что лишь к нему стремится неизменно,
Не отвращаясь к зрелищам иным;
Затем что все, что сердцу вождено,
Все благо – в нем, и вне его лучей
Порочно то, что в нем все совершенно.*

Рай XXXIII,100-105

Видение Троицы Света завершает собой путешествие Данте по Раю и всю Божественную Комедию. Это видение открывается ему по его просьбе и по молитве Беатриче и Божией Матери. Оно обусловлено окрепшим взором поэта:

*Не то, чтоб свыше одного простого
Обличия тот Свет живой вмещал:
Он все такой, как в каждый миг былого;
Но потому, что взор во мне крепчал,
Единый облик, так как я при этом
Менялся сам, себя во мне менял.*
Рай XXXIII, 109-114

Умное зрение человека одновременно и неспособно и способно вместить в себя Свет, само становясь светом. Неспособно – по разноразмерности субъектов общения. Способно – по их соразмерности, вложенной в человека от сотворения мира, так что, как человек несет в себе образ и – в Раю – подобие Творца, так и Творец включает в Себя подобие человека.

*О Вечный Свет, который лишь собой
Излит и постижим и, постигая,
Постигнутый, лелеет образ свой!
Круговорот, который, возникая,
В тебе сиял, как отраженный свет, –
Когда его я обозрел вдоль края,
Внутри, окрашенные в тот же цвет,
Явил мне как бы наши очертанья;
И взор мой жадно был к нему воздет.*
Рай XXXIII, 124-132

Но постигая Троиственный Свет и содержащийся в Нем «как бы наши очертанья», Данте одновременно Его не постигает. И в непостижении опять-же возносится к Нему.

*Таков был я при новом диве том:
Хотел постичь, как сочетаны были
Лицо и круг в слиянии своем;
Но собственных мне было мало крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершение всех его усилий.
Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремилась,
Как если колесу дан ровный ход,
Любовь, что движет солнце и светила.*
Рай XXXIII, 136-145

На этом Божественная Комедия заканчивается.

ЗАМЕЧАНИЯ О ЧИСТИЛИЩЕ

В православной Церкви нет сформированного учения о чистилище. Да и вообще о загробной жизни известно немного. Путеше-

ствия по загробному миру являются однако важной частью мировой, а также христианской и собственно православной литературы. Можно вспомнить спускавшихся в Аид Одиссея и Энея, Геракла и Орфея. Внутри христианского контекста существовало и существует до сих пор множество произведений, так или иначе обращающихся к этой теме. Можно вспомнить произведение XII века под названием Видение Тундала, рассказывающее о путешествии ирландского рыцаря Тундала по адским и райским селениям. Из современной литературы хотелось бы упомянуть замечательные новеллы Клайва Льюиса «Расторжение брака» и Юлии Вознесенской «Мои посмертные приключения». Произведение православного средневековья под названием «Мытарства св. Феодоры» и сегодня играет существенную роль в православном народе.

Каким же потребностям отвечают, как думается, эти рассказы? Прежде всего, это конечно же любопытство, смешанное со страхом. Неизбежность и непознанность загробной жизни, сознание своей приобщенности отпадшему от Бога человеческому роду, евангельское откровение о блаженной либо мучительной вечности вызывают потребность хоть как-то ментально подготовиться к неизбежному.

Есть, однако, и другая сторона дела. Стоит она, как мне кажется, в определенном противоречии евангельского и, шире, традиционно христианского рассказа о Суде и посмертной участи души с одной стороны, и человеческим опытом с другой. Действительно, в притчах и откровениях Евангелия граница между добром и злом проходит как-бы между людьми. Есть овцы и есть козлища; есть добрая пшеница и есть плевелы; есть хорошие рыбы и негодные; есть древа, приносящие добрые плоды, а есть терновник. В такой системе не трудно, обладая всезнанием, разделить одних от других, так что «пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф 25:46).

Несколько иначе обстоит дело с точки зрения опыта. Здесь граница между добром и

злом проходит скорее по сердцам людей, а не между ними. Действительно, если я вдумываюсь в откровение Христа о Страшном Суде в двадцать пятой главе Евангелия от Матфея, и смотрю на него с точки зрения своего жизненного опыта, то остаюсь в недоумении. Ведь в своей жизни я очевидно кое-кого накормил, одел, посетил. Однако в меньшей степени я прошел мимо – не заметил, не захотел, переложил ответственность на кого-то другого. Это следует из того, что в моем сердце присутствует как сострадание и желание осуществить деятельную любовь, так и черствость и лень. Возможно ли тогда отделить меня от меня самого же и одного принять в жизнь, а другого отправить на муку?

Получается, что две эти картины мира и человека предстают перед нами как несовместимые. Переход между, так сказать, дуальным восприятием – черное и белое, грешник и праведник – и непрерывным – добро и зло переплетены в сердце человека – остается весьма неясным. Мне думается, именно на это пытается ответить «загробная» литература, и, в частности, разработанное на Западе учение о Чистилище. Именно последнее дает возможность интеграции опыта неоднозначности в отношении добра и зла в представления о загробной участи человека.

По Данте, в Чистилище попадают те души, которые грешили при жизни, но которые нашли в себе силы надежды и любви обратиться к Богу перед своей кончиной. Так, душа одного воина повествует Данте о своей смерти и спасении одним вздохом, направленным к Божией Матери:

*Мой взор погас, и замер мой язык
На имени Марии; плоть земная
Осталась там, где я к земле поник.
Знай и поведай людям: ангел Рая
Унес меня, и ангел адских врат
Кричал: „Небесный! Жадность-то какая!
Ты вечное себе присвоить рад
И, пользуясь слезинкой, поживиться;
Но прочего меня уж не лишат!“*
Чистилище V, 100-108

Но, хотя эта душа и освобождается от безнадежности Ада, она не способна и для Рая. При чем, по замыслу Данте, неспособна она не по внешним причинам, но из себя самой. Души в Чистилище жаждут того очищения, путем которого они в нем идут, воспринимая его в качестве лечения. Там нет пассивного претерпевания мук ради достижения отдаленной цели, непонятно как с этими муками связанной. Но, напротив, каждая душа уже в процессе ощущает их целительную силу, свое приближение к святости. И вот что замечательно – душа остается в Чистилище так долго, пока сама не поймет, не почувствует свою готовность к восхождению в Рай. Так, восходя по горе Чистилища, спутники ощущают что-то вроде землетрясения, сопровождающееся ангельским пением. Некий дух, встретившийся им на пути, объясняет содрогание горы:

*Дрожит она, когда из душ одна
Себя познает чистой, так что встанет
Иль вверх пойдет; тогда и песнь слышна.
Знак очищенья – если воля взманил
Переменить обитель, и счастлив,
Кто, этой волей схваченный, воспрянет.
Душа и раньше хочет; но строптив
Внушенный Божьей правдой, против воли,
Позыв страдать, как был грешить позыв.
Чистилище XXI, 58-66*

Примечательно, что на более поздней стадии развития католического учения о чистилище, оно превращается в то схоластическое, механистическое представление о восполнении недостатка добрых дел на земле огненными муками в чистилище, с которым спорят такие святые отцы, как Марк Эфесский¹² и более поздние авторы полемических сочинений против учений «латинян». Эти аргументы, опровергая позднее сформировавшееся католическое учение, однако не затрагивают видение Божественной Комедии.

Геннадий Схоларий, константинопольский патриарх с 1454 по 1465 год, ученик преп. Григория Паламы, поначалу защитник,

¹² Марк Эфесский, Десять аргументов против существования чистилищного огня.
<https://lib.pravmir.ru/library/readbook/607>

а затем противник Флорентийской унии, пишет так: от католического учения о чистилище «наше церковное учение отличается только в одном отношении – очищение производится не огнем, и скорее это не очищение, а освобождение от пут и препятствий в восхождении к Богу»; очищение в отличие от католического учения не предполагает с необходимостью страданий для «средних душ», то есть для тех, кто, в отличие от окончательно падших с одной и праведников с другой стороны, являются грешниками с надеждой на спасение¹³. Такое видение вполне совпадает с видением Божественной Комедии. Любопытно, что согласно свят. Геннадия эти души находятся в распоряжении особого рода демонов, называемых *τελώνιοι* (мытари), что сближает его учение с весьма народным, если не сказать вульгарным, изображением в Видении св. Феодоры.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В самой детской из всех детских сказок – сказке о Курочке Рябе – повествуется о том, как человек может ошибиться в своем выборе и золотой Божественный дар спутать с простой яичницей. Не узнав исключительность встречи, события, поворота судьбы, человек с настойчивостью, достойной лучшего употребления, пытается превратить свой единственный шанс во что-то обыденное, знакомое. «Дед бил – бил... Баба била – била...» и в этом бесполезном и неадекватном предмету битье проходит жизнь. И хорошо еще, если, как в доброй сказке, Божественная Курочка дает своим незадачливым подопечным второй, хотя, конечно, уже не золотой, шанс. В жизни все скорее более жестко. И если такая сказочка – которая конечно же является жемчужиной метафорической литературы – может при правильном понимании заставить человека задуматься и оплакать все пропущенные шансы своей жизни, то что можно сказать о таком произведении, как Божественная Комедия Данте Алигьери?

Когда в начале своего пути Данте, едва избегнув «в сумрачном лесу» пантеру, льва и

волчицу, встречает Вергилия, то, еще не зная, кто перед ним находится, вызывает к нему словами пятидесятого псалма – «Помилуй мя... – Miserere di me». Затем, узнав своего любимого поэта, он обращается к нему так:

*Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? –
Ответил я, склоняя лик смущенный. –
О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неутомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!
Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде превозносимый.
Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещий муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!*
Ад I, 79-90

Тоже можно от имени мировой литературы сказать и о Данте самом. Не только итальянская литература всем обязана ему, создателю литературного итальянского языка. Русская литература, как минимум начиная с Пушкина, постоянно затрагивает дантовские темы, слог, символику, подходы, музыку, ритм, образность, ... да всего и не перечесать. На эту тему написано достаточно много, и я, не являясь специалистом, но благодарным читателем, не буду перечислять всего. Да многого я и не знаю.

В довершение я хотел бы только поделиться опытом рассказов о Данте и его Комедии в разных компаниях друзей. Это опыт, который позволяет человеку приобщиться к таким глубинам собственной жизни, о которых он только интуитивно догадывался, но не знал по настоящему. Ведь каждый человек на своем жизненном пути носит в себе зачатки и интуиции Ада, Чистилища и Рая. В сопровождении великого флорентийца этот путь можно пройти.

¹³ См. Православная Энциклопедия, статья ДУША, <https://www.pravenc.ru/text/180712.html>

МАРИИНЫ СЛЕЗЫ К ПОЭТИКЕ ЛИТУРГИЧЕСКИХ ПЕСНОПЕНИЙ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ

РЕЦЕНЗИЯ-РАЗМЫШЛЕНИЕ О КНИГЕ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ, «МАРИИНЫ СЛЕЗЫ. К ПОЭТИКЕ ЛИТУРГИЧЕСКИХ ПЕСНОПЕНИЙ», 3-Е ИЗД., М: ПРАКТИКА, 2021.

1 Лингвист, историк русского языка Борис Андреевич Успенский называет отношения церковнославянского и русского языков диглоссией. Диглоссия – особый вариант двуязычия, при котором два языка воспринимаются носителями как один. Они ощущаются как один язык в двух формах. Первая форма выступает в качестве «высокой» и нормированной, вторая – «низкой» и свободной. Употребление их взаимоисключающее: в быту нельзя использовать священный церковнославянский язык, а употребление «поганого» русского в богослужении до сих пор не прижилось, несмотря на различные попытки.

При этом понятным без специальной подготовки церковнославянский язык не был никогда. Заповеди блаженства хорошо понимает и относит к себе героиня «Доктора Живаго» Лара Гишар, дочь обрусевшей француженки и владелицы швейной мастерской, а графская дочь Наташа Ростова за век до нее ошибается, истолковывая «миром Господу помолимся» как «все вместе, без различия сословий ... – будем молиться», «о свышнем мире» – как о «мире ангелов и душ всех бестелесных существ»¹.

Нам сегодня тоже понятны простые тексты, а более сложные сливаются в общий поток. Неожиданные значения слов, внесенные из греческого грамматические конструкции и стихотворные инверсии гимнографии требуют подготовленного восприятия. Как в начальной школе можно полюбить математику, рассматривая с разных сторон конкретные числа (17 – простое, со-

держит семерку, 19 минус 2 или два в четвертой плюс один), так и воцерковление может пройти глубже и увлекательнее, если получится лучше осознать знакомые на слух тексты – осознать их в полной мере не получится никогда, это бесконечный процесс.

В своей лекции «Церковнославянский язык в русской культуре», мысли из которой мы воспроизвели выше, Ольга Седакова называет разговор о языке богослужения «разговором о великом сокровище нашей культуры, утратив которое, мы потеряем связь не только с церковнославянскими текстами, но и со светской русской словесностью трех последних веков». Одна из немногих, она действительно и уникально заботится об этом сокровище в своей работе. Здесь мы расскажем о ее книге «Мариины слезы. К поэтике литургических песнопений», в которой дан поэтический комментарий к тринадцати песнопениям и молитве Ефрема Сирина.

2 Ольга Александровна Седакова – поэт, славист, историк культуры. Она родилась в 1949 году, в 1973 – закончила МГУ с дипломной работой по славянским древностям. Из своих учителей – а училась она у выдающихся филологов М.В. Панова, Ю.М. Лотмана и Н.И. Толстого, – Седакова выделяет Сергея Сергеевича Аверинцева, крупнейшего русскоязычного специалиста в области истории античной и средневековой литературы и поэтики, широчайшего мыслителя. Его творчество вдохновляло современников искать Христа.

Ольга Седакова с детства писала стихи, но в СССР они не публиковались, «оценивались как „заумные“, „религиозные“, „книжные“», –

¹ Наташа путает слова «міръ» и «миръ».

первый сборник «Врата, окна, арки» вышел в 1986 году в парижском издательстве YMCA-Press. Чтобы читать зарубежные тексты за железным занавесом, она изучила основные европейские языки (итальянский – для чтения в оригинале «Божественной комедии»), а позже переводила Р. М. Рильке, П. Целана, П. Клоделя, Т. С. Элиота, П. Тиллиха и других. Ольга Александровна – автор многочисленных книг, исследований по литературе и культуре. В 2008 году был издан ее «Словарь трудных слов из богослужения: Церковно-славяно-русские паронимы», содержащий более 2000 статей, в 2023 – сборник работ по русской литературе «О русской словесности. От Александра Пушкина до Юза Алешковского». «Мариины слезы. К поэтике литургических песнопений» – комментарии, написанные первоначально для журнала «Нескучный Сад» и вышедшие как книга впервые в Киеве в 2017 году.

З В книге четырнадцать глав и названы они первым колоном, т.е. первым стихом молитвословного текста. Здесь, например, воскресный тропарь «Да веселятся небесная», стихиры Сретения «Иже на херувимех носимый» и «Ветхий Деньми», тропарь Успения «В рождестве девство сохранила еси». В каждой главе даются три версии

текста: греческий оригинал, церковнославянский перевод и дословный перевод Ольги Седаковой на русский язык. Далее идет комментарий *sub specie poeticae*, с точки зрения поэтики.

«Я понимаю поэтику, – пишет Ольга Седакова, – прежде всего как организацию смысла: как наводится смысловой фокус, какие моменты смысла оказываются ключевыми, в каком ракурсе песнопение дает нам увидеть этот смысл ... Иначе говоря, речь пойдет преимущественно о композиции, то есть о динамике, о делании смысла (собственно, ποιησις [пойесис]). Похожим образом поэтика понимается в классическом труде С. С. Аверинцева „Поэтика ранневизантийской литературы“². Таким образом, комментарий, уделяя пристальное внимание словам, их сочетанию и порядку, проявляет и богословский смысл: он помогает нам восходить от единиц языка к полноте образов. Византийский гимнограф³ не изобретает метафор, а заботится о

² Здесь и далее цитаты из книги Ольги Седаковой по изданию «Мариины слезы. К поэтике литургических песнопений», 3-е изд., М: Практика, 2021.

³ Автор поэзии почти всегда точно известен, литургическая поэзия не анонимна, хотя имя автора мы в голове держим редко, поскольку воспринимаем текст как читаемый нами, «от нас лично», от «мы» какой-то внутренней приобщенности».

том, чтобы дать неожиданную перспективу описываемому предмету, истолковать его⁴.

Во вступительных заметках приведены два примера: тропарь и кондак Рождества Христова. Тропарь построен на развитии единственного мотива, мотива света:

*Рождество Твое Христе Боже наш,
возсия миру свет разума:
в нем бо звездам служащий,
звездою учахуся,
Тебе кланялися Солнцу правды
и Тебе ведети с высоты Востока:
Господи, слава Тебе.*

*Рождение Твое, Христос Бог наш, засветило
для мира свет знания, ведь при нем (то
есть при этом свете) те, кто почитал
звезды, от звезды научились поклониться
Тебе, Солнцу праведности и познать, что
Ты – Восход свыше.*

Мы встречаемся только со световыми образами: свет (знания), звезды, звезда, солнце, восход. Тропарь истолковывает евангельский рассказ о Рождестве в перспективе света, используя общую для множества литургических текстов технику «извития словес»: один и тот же образ многократно повторяется, ставится в разные позиции⁵. При этом в своих образах тропарь соединяет очень раз-

⁴ В комментарии к стихире Благовещения Ольга Седакова дает сравнение образности литургических песнопений и новой поэзии: задача первой интеллектуальная, второй – изобразительная. Русский поэт второй половины XX века Алексей Парщиков в своей поэме «Новогодние строчки» удивляет нас неожиданной наглядностью:

А что такое море? – это свалка велосипедных рулей

Метафора красива, но она никак не истолковывает море, ничего не прибавляет к его символике. В противоположность этому, «неопалимая купина» и «неудобозримая глубина», стоящие рядом, позволяют глубже понять чудо боговоплощения, не насладиться зрительным сходством, а «очами сердца» увидеть неопишемое.

⁵ В прямом смысле «извитие словес», «плетение словес» (ἡ πλοκή) – повтор одного слова или однокоренных слов. Посмотрите на использование слова «закон» в первой части стихир на литии Сретения:

Ветхий деньми, иже закон древле в Синаи дав Моисею, днесь младенец видится, и по закону, яко закона творец, закон исполняя, во храм приносится и старцу дается.

ные типы мысли. «Свет разума, τὸ φῶς τὸ τῆς γνῶσεως (то фос то тис гносеос) – это поздний язык, язык Пролога Евангелия от Иоанна и его Посланий, с несомненным присутствием философского субстрата. Солнце правды и Восход свыше – совсем другое: это древняя, дофилософская образность пророков», цитаты из малых Пророков Малахии (4:2) и Захарии (3:8). Звезда и звезды – материальные светила, но им служат, поклоняются, и значит это звезды, приводящие к Солнцу, Христу.⁶ А над всеми этими образами и первое определение Нового Завета – «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин 1:5), – и догматика Символа веры, «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна».

Кондак Рождества представляет нам другой композиционный принцип – не «извитие словес», а «извитие мысли». Здесь нет одного образа, но мысль одна: мы свидетели чего-то невероятного. Девица рождает; рождает Того, кто есть и до рождения; ради нас сегодня во времени является то, что было прежде времени, самое невероятное – «малое Дитя, предвечный Бог».

4 Песнопение «Мариины слезы», давшее название всей книге, – утренняя евангельская стихира восьмого гласа, то есть строфа из нескольких стихов, которую раз в одиннадцать недель можно услышать вечером в субботу во время Всенощного бдения.

Мариины слезы не всуе проливаются тепле, се бо сподобися и учащих Ангелов, и видения Самого Иисуса: но еще земная мудрствует, яко жена немощная: темже и отсылается не прикасатися Христу: но обаче проповедница посылается Твоим учеником, имже благовествование носящи, еже ко отеческому жребию восход возвещающи: с неюже сподоби и нас явления Твоего, Владыко Господи.

Мариины слезы не напрасно проливаются горько: ибо вот, удостоилась она и поучения от ангелов, и лицезрения Самого Иисуса.

⁶ Звездой в Церкви также именуется Богородица, а звездами – великие святые.

са. Но еще о земном помышляет, слабая женщина, потому и отсылается она не прикасаться ко Христу, но вестницей посылается к Твоим ученикам, благовествовать имо грядущем Твоем к наследию Отческому восхождению (то есть о том, что Ты восходишь к наследию Отца). С нею вместе удостой и нас явления Твоего, Владыка Господи.

Ольга Седакова обращает внимание на три церковнославянских слова. «Теплый» – горячий, ревностный, по-русски мы говорим не о горячих, а о горьких слезах. «Отсылается» – перевод греческого глагола в несуществующем в русском языке медиопассивном залоге, который выражает косвенную субъектность действия. «Проповедати» – сообщить, принести весть, здесь нет значения распространения учения.

Стихира кратко напоминает сюжет из двадцатой главы Евангелия от Иоанна. Мария Магдалина приходит ко гробу Христа, видит двух ангелов, а затем – самого Учителя. В Евангелии описано, как Мария не узнает Его, принимая за садовника, но стихира опускает этот волнующий момент, а обращает наше внимание на горькие слезы, горе, свидетелями которого мы являемся. «Слезы проливаются», как и все дальнейшее, написано в настоящем времени – мы будто стоим рядом и наблюдаем за событиями. Как слабая женщина Мария мыслит еще по-земному, то есть мыслит так, как если бы Распятие и смерть были просто отменены, как если бы Христос снова был жив, как Лазарь, не воскрес бы в вечности, но продлил бы свои дни на земле.

И вот Мария, мыслящая по-земному, отсылается не прикасаться ко Христу, но посылается к другим ученикам принести им добрую весть о «Твоем к наследию Отческому восхождении». Здесь нам раскрывается сердцевина, центр стихир – грядущее Вознесение Христа. В Евангелии Иисус говорит Марии: «не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшёл к Отцу Моему», и автор стихир делает это объяснение главной вестью, поручением Магдалине. Мы оказались в удивительном

промежутке истории человечества: между Воскресением Христа из мёртвых и Его восхождением ко Отцу в воскресшей, прославленной плоти. «Между двумя этими точками располагается особый, мерцающий период пасхальной радости, которая еще не может себя понять», и мы разделяем «с участниками событий их счастливое и тревожное непонимание». Новое зрение Мария и апостолы получают даже не после Вознесения, а только в момент сошествия Святого Духа, но перспектива Пятидесятницы есть лишь в одной из воскресных стихир, именно как «обетование». Вечером в субботу мы только готовимся к полноте «Царства Отца и Сына и Святого Духа».

5 Если в этом комментарии Ольга Седакова учит нас нащупывать центр текста, то в комментарии к песнопению Литургии Преждеосвященных Даров она рассказывает о восприятии текста в центре богослужения. «Ныне Силы Небесные» поется на великом входе вместо «Иже Херувимы» на Литургиях свт. Иоанна Златоуста и свт. Василия Великого, «Вечери Твоя тайная» в Великий Четверг или «Да молчит всякая плоть человека» в Великую Субботу:

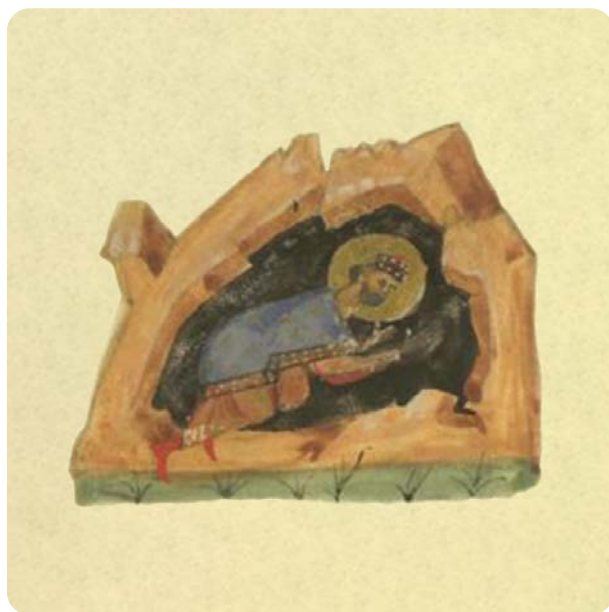
Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат: се бо входит Царь Славы, се жертва тайная совершена доносится. верою и любовью приступим, да причастницы

жизни вечная будем. аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.

Ныне Силы небесные с нами невидимо служат, ибо вот, входит Царь Славы, вот Жертва таинственная, принесенная, (ими) сопровождается. С верою и любовью приступим (к Ней), чтобы причастниками вечной жизни стать. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.

«Совершена» – уже принесенная, освященная. «Дориносится» от *дорифореѣтай* – носится на копьях. Копьеношение обозначает «обряд триумфального входа цесаря-победителя, которого несет на щите и окружает почетный эскорт копьеносцев», тот же глагол мы слышим в окончании Херувимской песни: «Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми».

Литургия Преждеосвященных Даров – богослужение Великого поста, и в ней «внутренне изменяются некоторые из хорошо знакомых и часто исполняемых стихов: можно сказать, что Преждеосвященная придвигает их ближе, чем обычно, к центру богослужения – или „выдвигает вперед“, или „приподнимает“. По своей весомости они как будто приближаются к тайносовершительным словам. Речь идет, прежде всего, о двух песнопениях, которые так величественно звучат (и, соответственно, так много значат) только на Преждеосвященной: „Свете тихий“ и „Да исправится молитва моя“. Избранные стихи 140-го псалма „Да исправится молитва моя“ наполняются здесь необычайной значительностью. Они поются перед Царскими вратами, их слушают коленопреклоненно. В образе кадильного дыма, восходящего от земли к небу, мы переживаем всю реальность этой исходно вечерней Литургии с ее покаянным, углубленно молитвенным настроением. Огромной весомостью наполняется и молитва „Свете тихий“: здесь, в великопостной службе, она отчетливо связывается с темой света, центрального образа Преждеосвященной: сравните возглас „Свет Христов просвещает всех“, благословение стоящих на коленях молящихся свечой и ка-

диллом. Свет и восходящий вверх благовонный дым – два вечерних образа великопостной Литургии».

Похожим образом знакомая нам «Херувимская» преобразуется в песне «Ныне Силы Небесные». Тема остается прежней, мы вспоминаем о сослужении ангелов и людей при царском входе Христа и слышим даже те же слова «тайно», «невидимо», «Царь», но мы слышим меньше и больше погружаемся в молчание. Мы больше не принимаем на себя образ ангелов («тайно образуяще»), хотя они остаются рядом, «с нами невидимо служат»⁷. «Царь всех» теперь назван «Царем Славы», что отсылает к Крестной муке: в иконописи Царем Славы именуется и образ Христа-Судии, и образ Христа Распятого, а в дониконовское время была принята надпись «Царь Славы» на кресте на месте «И.Н.Ц.И.» («Иисус Назорей, Царь Иудейский»). Со всей отчетливостью переход к молчанию отразит-

⁷ «Ангелы названы в нашем песнопении Силами {Силами Небесными}. Можно понимать это и как общее именование всех бесплотных Сил, можно – как один из ангельских чинов, то есть собственно Силы, пятый чин, занимающий срединное место в срединной триаде ангелов. С образом Сил как пятого чина в особенности связаны темы военной славы и чудес („силы“ по-славянски значит и чудеса: „И не сотвори ту сил многих – и не совершил там многих чудес“, Мф 13:58). Одно из самых запоминающихся песнопений Великого поста, „Господи Сил с нами буди“ усиливает присутствие темы Сил, воинства Небесного в общем воздухе Великого поста, долгой духовной брани».

ся в песнопении Великой Субботы, в ней уже не будет совместного пения – «да молчит всякая плоть человека», пусть в человеке молчит все человеческое⁸.

6 Молитва Ефрема Сирина – еще один текст, неразрывно связанный с Великим постом. Хотя некоторые христиане молятся ею и в течение всего года, первое звучание в церкви на Сырной неделе особенно волнительно. Уже первые слова молитвы – исповедание владычества Бога над собственной жизнью, читаемые от первого лица и перекликающиеся с возгласом апостола Фомы «Господь мой и Бог мой», – погружают нас в сердце Великого поста. Шестнадцать поклонов включают в моление все тело.

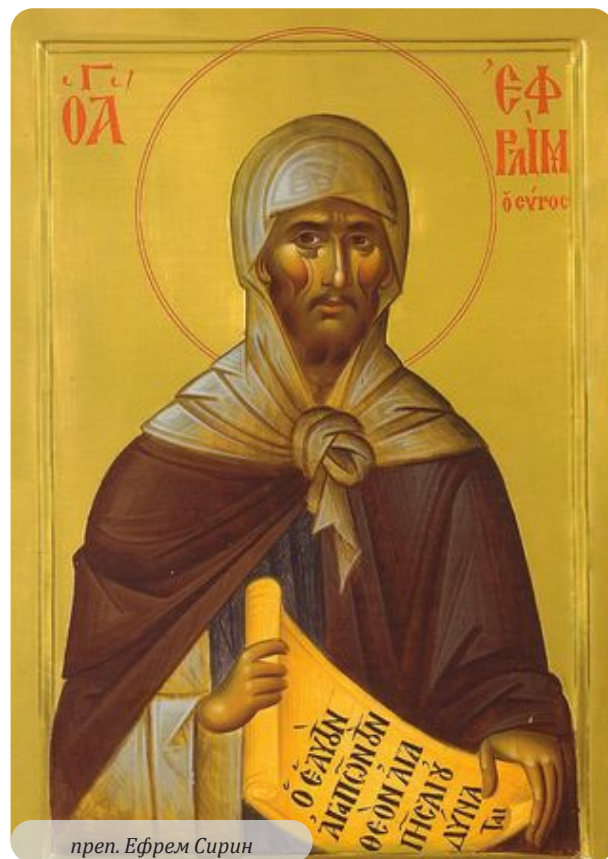
Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу Твоему. ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков, аминь.

Господи и Владыка жизни моей! Духа праздности (безделья), многоделанья (суетливости), властолюбия и пустословия не дай мне. Дух же целомудрия, скромности, терпения и любви даруй (по милости) мне, рабу Твоему. Воистину, Господи, Царь! Даруй мне видеть мои ошибки и не выносить суд брату моему, ибо Ты благословен вовеки. Аминь

Сирийский оригинал молитвы не сохранился, и мы можем сравнивать только церковнославянский и греческий тексты⁹, русский перевод Ольги Седаковой сделан с последнего. «Праздность» и «уныние» в греческом переданы однокоренными словами ἀργία и περιεργία. Если перевод первого слова достаточно точен – при том, что в церков-

⁸ Слово «плоть» в Новом Завете имеет значение «человек», «плоть человека» – удвоение.

⁹ Авторство молитвы оспаривается. Многие ученые исходят из того, что молитва была написана на греческом языке изначально.

преп. Ефрем Сирин

нославянском языке «праздность» более, чем в русском, несет значение пустоты и бессмысленности, – τὸ περιεργία – это не подавленное состояние, а многоделание, суета, чрезмерная деятельность и даже вмешательство в чужие дела. Первые два прошения молитвы – о равновесии, гармонии, собранной спокойной деятельности.

На месте «любоначала», желания первенствовать во всем, в дониконовском тексте стояло «сребролюбие». Вероятно, это связано с разными греческими списками и сходством греческих слов φιλαρχία и φιλαργυρία соответственно, а какой из вариантов исходный – определить трудно.

«Целомудрие», которое в современном языке связано с девственностью и моральной чистотой, изначально понималось как здравомыслие, то есть обладание неповрежденным, целым умом, способность различать добро и зло. «Смиренномудрие», ταπεινοφροσύνη – скромность, признание собственной незначительности. «В античном понимании такая „скромность“ – характеристика отрицательная, нечто вроде „малодушия“. В христианском же понимании смирение – одна из

самых высоких добродетелей (точнее, даров, которые человек исключительно собственными силами получить не может), противоположность гордыни. Прот. Александр Шмеман в своем толковании великопостной молитвы замечает, что одно из главных проявлений смирения – готовность принять правду. „Одни смиренные способны жить по правде, видеть и принимать вещи так, как они есть...“». Как и в греческом, в славянском «терпение» включает в себя ожидание, ожидание с надеждой. В первой главе Деяний апостольских пребывание в молитве описано словами «сии вси бяху терпяще единомыслно в молитве».

Наконец, «осуджати» означает выносить приговор. «Высказывать критические замечания, даже злословить – это еще не осуждать. Наоборот, можно относиться к кому-то „терпимо“, именно исходя из его осуждения в настоящем, „юридическом“ смысле: дескать, что с такого взять! Вот этим „снисхождением“ в действительности человеку и выносятся окончательный приговор».

Молитва Ефрема Сирина – «смирренная проза», в ней нет богатства цитат, нет «извития словес», всего яркого репертуара литургических песнопений. Но в ней присутствует сплошная симметрия или мотив парности. Ритм мысли задается парой парных обращений «Господи и Влѣдко» и «Господи Царю». Прошения тоже симметричны: четыре об освобождении от страстей, четыре о даровании добродетелей и пара о взгляде вовнутрь и вне себя. Эта четность для нас неожиданна. «Мы привыкли, что в молитвенных и литургических текстах господствует число три („Ныне и присно и вовеки веков“; „яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение“ – примеры таких тройных формул можно умножать до бесконечности). Три – формообразующее и смыслообразующее для храмового искусства число. Мы неосознанно ждем троичности в построении каждого молитвенного текста¹⁰. Но здесь ее не слышно!»

¹⁰ С этой мыслью можно поспорить: например, известный всем православным христианам пятидесятый псалом, как и большая часть Псалтири, строится на

Ольга Седакова предполагает, что число четыре отсылает нас к сторонам света, «создает впечатление вселенского пространства. Человек, произносящий одно за другим эти четыре весомейшие слова, чувствует себя как бы в центре, от которого простираются четыре конца света. Он просит дать ему измениться так, как если бы он хотел переменить весь свой мир на другой: мир с координатами „праздность – уныние – любоначалие – празднословие“ на мир, „концы“ которого „целомудрие – смиренномудрие – терпение – любовь“».

Но в центре молитвы стоит все же не сам человек. Осью симметрии прошений можно считать воззвание «Ей Господи Царю!», и тогда просьбы оказываются на периферии, а в центре – само предстояние Царю и Владыке. И так заметнее становится скромность молящегося: его просьбы не о спасении, не о блаженстве, а о духовном труде. «Раб» видит в другом «брата» и обращается к «Владыке», вышшим даром полагая себе «способность различать собственное несовершенство и не выносить приговора другому».

7 Прочтение всех четырнадцати комментариев погружает читателя в разнообразие литургических образов и оставляет чувство соприкосновения с глубиной церковного предания. Ольга Седакова оживляет восприятие знакомых текстов и вдохновляет разбираться дальше – учиться, а не сердиться на кажущуюся непонятность, отмахиваясь от нее и тем лишая себя драгоценнейших содержания и формы. Книгу «Мариныны слезы» читать легко и увлекательно, и тем она прокладывает нам путь горé, «выше и дальше»¹¹.

двоичности.

¹¹ «Further up and further in» – название одной из глав книги «Последняя битва» из цикла «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса.

Андрей Михайлович Фастовский

«ОН ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ХОРОШ, И УМЕН, И ПРАВЕДНИК, НО ЖИТЬ С НИМ НЕСНОСНО»

ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ НЕ ЧТИМ СВЯТ. ИОАННА (МАКСИМОВИЧА) КАК АРХИЕПИСКОПА
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО. ОПЫТ РЕЦЕНЗИИ-РАЗМЫШЛЕНИЯ

Георгий Павлович (ред.),

«От него нельзя оторваться...»

**Святитель Иоанн Шанхайский в письмах
Петра Сергеевича Лопухина к протоиерею
Георгию Граббе, Москва 2022**

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет не перестает радовать своей научно-издательской деятельностью. Так, в 2022 г. читателям стала доступна книга, проливающая свет на малоизученный европейский период жизни (1951–1962) великого молитвенника XX века, свт. Иоанна (Максимовича), Шанхайского и Сан-Францисского чудотворца.

Особенность книги заключается в том, что здесь мы не имеем дела с «сухим» историческим повествованием. Перед нами свидетельство очевидца, ибо опубликована личная переписка Петра Сергеевича Лопухина и протоиерея Георгия Граббе, недавно найденная хранящейся в Станфордском университете в Калифорнии, США. Как и о. Георгий Граббе, имя которого безызвестно большинству образованной публики, менее известный Петр Сергеевич Лопухин львиную часть своей жизни отдал служению Церкви, трудясь в ее управлении. С 1935 г. он работал при канцелярии Синода РПЦЗ в Сремских Карловцах, являлся позже секретарем Предсоборной комиссии, а затем и II Всезарубежного собора 1938 г. и, наконец, с 1948–1961 секретарем и казначеем Западно-Европейской епархии в бытность там свт. Иоанна (Максимовича).

С последним он жил в одном доме в Кадетском корпусе в Версале¹ и ел одну пищу, кото-

¹ «Русский кадетский корпус-лицей им. императора Николая II. (Версальский кадетский корпус) – русское начальное военно-учебное заведение во Франции в

Лопухин Петр Сергеевич

рую за отказ кухарки готовить по ночам, когда святитель, изнеможенный от трудов, возвращался домой, – по его собственному свидетельству – порой сам же и готовил. Предположительно в те 10 слишним лет пребывания свт. Иоанна на Западно-Европейской кафедре, никто так близко не общался с ним как Петр Сергеевич – но это можно сказать лишь при условии, что о каком-либо сближении допустимо вообще говорить, ведь недаром Лопухин отметил: «А[рхиеп.] И[оанн] очень скрытен». (с. 117)

Но скажем еще два слова о самом издании, перед тем как перейти к содержанию книги.

Редактор писем, священник Георгий Павлович, свидетельствует о том, что «ра-

1930–1964 гг. Директором корпуса в это время (1950–1959) был полковник Г. А. Апрельев. Владыка Иоанн (Максимович) перевел в 1952 г. из Медона в здание Корпуса Епархиальный центр.» (с. 52)

бота историка требует проверки и оценки сообщаемых известий» личной переписки, в который выражаются личные взгляды автора, «порой даже ошибочные» (с. 6). Он же и положил начало этой работе, снабдив письма обширным критическим аппаратом. Поражает объем проделанной работы. Редактор не только потрудился над установлением личности буквально каждого человека, упоминаемого в письмах зачастую только по имени, но даже установил наименования печатных изданий, на которые авторы ссылаются лишь косвенно. О добросовестности работы может свидетельствовать следующий отрывок. В одном из своих писем Петр Сергеевич рассказывает, что ищет издательство, которое опубликовало бы его статью, содержащую 36 800 знаков (с. 33). О. Георгий отыскал изданную в 1951 г. статью и насчитал всего 25 500 знаков, что позволило ему сделать вывод, что в письме говорилось о более простом варианте рукописи.

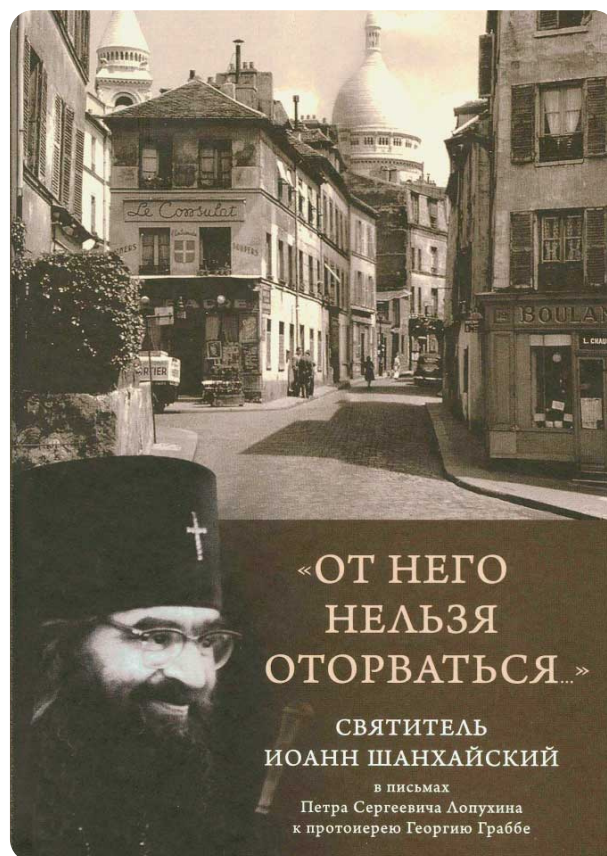
Немудрено, правда, что при таком объеме работы в «аппарат» вкрались ошибки. И о них тоже следует сказать. К примеру, на странице 70 о. Георгий пишет, что Е.И. Махароблидзе с 1951 по 1967 г. был главным редактором журнала «Церковная жизнь». Но Экзакустидан Иванович скончался в августе 1960 г., о чем свидетельствует запись в метрической книге нашего собора в Мюнхене. Более того, журнал «Церковная Жизнь» являлся официальным органом Синода РПЦЗ и вместе с ним в 1950 г. переселился в США, а Махароблидзе в указанный период уже потому не мог состоять его главным редактором, что остался жить в Германии. Но он являлся главным редактором «Церковных Ведомостей издаваемых в Германской епархии», о которых упоминается на странице 77. Правда и там, к сожалению, вкралась неточность. Данный журнал издавался не с 1953–1964 г., как указывает о. Георгий, но в период с 1951–1971 г.

Сколько подобных неточностей в книге, сказать не берусь. Бросает ли указанная мною необходимая поправка тень на весь критический аппарат – ни в коем случае! Про-

ведена огромная исследовательская работа вплоть до изучения протоколов Архиерейских соборов РПЦЗ, что позволяет даже исторически неподкованному человеку вникнуть в историю Западно-Европейской епархии через призму личной переписки 70-летней давности. Это тем более ценно, если учесть, что в письмах затрагивается целая палитра тем, не имеющих прямого отношения к личности святителя, но относящихся к истории РПЦЗ в целом. Да, можно сказать, и Европейской истории.

В заключение следует отметить, что помимо писем, издание содержит ряд проповедей европейского периода святителя, пусть и ранее опубликованных, но рассеянных по малоизвестным журналам, найти которые, на сегодняшний день можно разве что в немногих библиотеках мира.

Как-то давно я присутствовал при беседе одного старожила среди наших клириков, многолетнего протодиакона, а ныне маститого протоиерея Георгия Кобро. Помню, как он не то в шутку, не то всерьез сетовал на несправедливость: святитель Иоанн, говорил он, всего 4 года (1962–1966) был епископом

Свят. Иоанн с клиром Западноевропейской епархии

в Америке и при этом почитается как святитель Шанхайский и (!) Сан-Францисский, тогда как в Европе он архиерействовал целых 11 лет – и как «Западно-Европейского» мы его не поминаем.

Может быть, нелицеприятные и, как намекнул редактор писем, в чем-то даже ошибочные, но, вне сомнений, искренние письма Петра Сергеевича Лопухина, помогут, если не ответить на вопрос, то хотя бы прочувствовать, почему так сложилось.

«ЕСЛИ К ТОМУ БУДЕТ ХОТЬ МАЛЕЙШАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ, Я НЕ УЙДУ ОТ НЕГО»

Первое впечатление секретаря и казначея Западно-Европейской епархии от прибытия нового архиерея было самым что ни на есть положительным, если не сказать восторженным. На вопрос о. Георгия Граббе, как он находит своего нового владыку, Петр Сергеевич Лопухин писал:

От общения с ним все время на душе радостное чувство, и, если к тому будет хоть малейшая возможность, я не уйду от него. А если придется уходить, в тот же Лондон хотя бы, то уйду с печалью – уж очень отпадно быть около него (с. 34).

Следует учесть, что это не впечатления неопита. Будучи 1885 года рождения, Петр Сергеевич познакомился со свят. Иоанном на 67-м году своей жизни. А сформировался он как богослов еще в Белграде через сближение с такими гигантами духа как митрополит Антоний (Храповицкий) и архиепископ Гавриил (Чепур). Характерно, что на похоронах Петра Сергеевича в 1962 г. свят. Иоанн отметил эту близость:

С радостью раскроет объятия Митрополит Антоний своему духовному сыну. Подобно преподобному Василию Новому, явившемуся при прохождении мытарств блаженной Феодорой и давшему выкуп за ее душу, и он будет представителем за душу Петра Сергеевича. (с. 250)

Отметим сразу: отношение П. С. Лопухина к свят. Иоанну постепенно менялось в худшую сторону. Дух усталости, раздражения, а порой даже разочарования с годами начинает преобладать в письмах. Правда, среди всех незаурядных качеств святителя – тех, что позже у Петра Сергеевича вызывали раздражение – сквозь годы одно продолжало неизменно восхищать образованного секретаря. Господь наделил Своего избранника, по свидетельству П. С. Лопухина, даром глубокой богословской мысли. Уже при первой встрече в 1951 г. он отметил: «Проповеди исключительно содержательны, знаний – море» (с. 33). А прожив рядом со святителем два года, Петр Сергеевич в 1953 г. признавался, что желание самому «богословствовать» отпало напрочь, живя рядом с человеком, который является «богословом» в святоотеческом понимании этого слова:

Живя рядом с Владыкой Иоанном, я утратил желание писать: его жизнь так невероятно строга (думаю, Мережковский или Бердяев сказали бы «бесчеловечна» строга), его знания так глубоки, я так по сравнению с ним мало понимаю, что мне не хочется писать – все это дилетантизм. Так что пишу, когда надо писать. (с. 43)

Со временем Петр Сергеевич начал трудиться над записью и публикацией слов вели-

кого святителя. Так, в 1955 г., когда в письмах уже начало проскальзывать недовольство по отношению к владыке, П. С. Лопухин в конце письма все же не сдержал своего восхищения по отношению к мудрости святителя:

Аумный! А какие проповеди он косяязычно говорит! Вот этим постом говорил о кресте, о Страшном Суде. Милина! (благодарить по-сербски – ред.) Я написал из разных проповедей одну, напечатанную в «Церковном Голосе», – «Подготовка» ее назвали – очень хороша! (с. 87)

Или вот в другом письме от 1958 г. после очередного всплеска недовольства по отношению к «несносному» образу жизни строгого подвижника:

А между тем! При всей его усталости сколько в нем силы, сколько он понимает, сколько знает! Сколько он продумал, понял, знает в области идеологической!! (с. 128)

В этом же письме Петр Сергеевич повествует о том, каким трудом ему давались записи речей Владыки, которые, к слову, святитель Иоанн ему – за редким исключением – воспрещал публиковать:

Жалею, что не могу тебе представить, как он мне говорил эти мысли! Засыпал, просыпался: «Да, значит, так... Мельхиседек... Да! Богоугодно... Да... Значит, так, Царь мира...» я и злился, и записывал, и не понимал, что он еще сказал, и все это ночью, во втором часу!! Несносный человек. Но эти его формулировки, мне кажется, дают основания, чтобы написать «Православную философию Права». (с. 128-129)

«ОН ЗАМУЧИЛ СЕБЯ! ОН УСТАЛ!»

Уже было сказано, что богословие свт. Иоанна шло в ногу с немилосердным к себе и строжайшим аскетизмом. Известно, к примеру, что святитель старался служить Божественную Литургию каждодневно. Даже тогда, когда у него, по свидетельству Петра Сергеевича, поднималась температура до сорока градусов, опухали и гноились ноги, а врачи садили на пенициллин и требовали ло-

В Лесненской обители

житья, «он идет служить в грязь, босой» (с. 69). Уговорить его лечь в больницу удалось единожды и только при условии, что и там ему позволят служить литургию каждый день.

Известно так же, что святитель всю подвижническую жизнь спал сидя, не позволяя телу «изнежиться» не то, чтобы кроватью, но даже горизонтальным положением. Потому, собственно, уговорить его «лечь» в больницу, было делом невероятной сложности. Избегая постельного режима, владыка Иоанн (испросив себе у Бога милости?) на удивление врачей стал быстро поправляться и в больницу так и не лег. Правда, позже, на одну инфекцию наложилась другая и пошло опять осложнение. Тогда свт. Иоанн уехал в Леснинскую обитель. Оттуда до Петра Сергеевича донеслась «невероятная» весть – в обители «он лежал и спал лежа» и даже «чувствовал себя хорошо, когда лежал» (с. 79). Но вернувшись, опять отказывался ложиться, отшучиваясь: «надо же переходить на нормальное положение». (с. 79) «Хорош, – ерничал в свою очередь его секретарь, – но бывает просто несносен» (стр. 70).

Если поначалу, как было сказано выше, П. С. Лопухин искренне восхищался строгостью жизни своего архиерея, то с годами эта же строгость начинала ему казаться все более вредным качеством при управлении епархией. Уже в 1954 году он признавался протоиерею Георгию:

Очень бывает иногда трудно: впечатление такое, что Владыка так утомлен, что иногда просто не в силах заниматься. (с. 65)

Утомление это доходило до того, что владыка Иоанн порой засыпал на ходу, в то время как в его прихожей толпились посетители; и добудиться до него оказывалось невозможно. Ближе к концу собственной жизни изрядно утомленный секретарь писал о своем куда более утомленном архиерее:

Бедный Владыка Иоанн! Он замучил себя! Он устал! Он не понимает, что у него уже нет прежних сил! Что свою жизнь он часто ведет на нервах и на подъеме, но кончился подъем, сказана прекрасная иногда проповедь, и он рухнет со своей высоты. ... недавно в его хорошую минуту я сказал ему: «вы понимаете, до чего вы себя довели. Ведь вы в таком состоянии ни на что не годны, вы не можете работать, а только ходить по больницам...» – и он мне впервые сказал, что он устал... но как его принудить отдохнуть! (с. 127)

«Со святыми упокой, но жить с ними не приведи, Господи»

Сия «острота», здесь приписываемая Медонскому архимандриту Сергию (Пфефферману – с. 56), а обычно преп. Юстину (Поповичу), по отношению к свт. Иоанну вспоминалась во Франции «часто» (с. 60), и не в последнюю очередь самим автором писем, тем самым, который некогда уверял, что «если к тому будет хоть малейшая возможность, я не уйду от него» и что «от общения с ним все время на душе радостное чувство». Но соработничать с человеком, который живет в области Божественного вне пространства и времени оказалось весьма непросто:

Иногда часов в 23 я хочу уйти от него, он говорит: «Хорошо, вы вечером зайдите». – «Какой вечерок, скоро полночь!» – «Ах, я не знал!» (с. 158)

Непосильный с мирской точки зрения аскетизм приводил к тому, что владыка Иоанн, по-видимому, не справлялся с некоторыми административными делами епархии. «Владыка плохой администратор. Я ему сказал, что насколько почитаю его как Богослова, настолько же не признаю его как администратора,» (с. 56) признавался Петр Сергеевич в 1954 г.

Стоит отметить, что свт. Иоанну досталась – не в последнюю очередь в силу юрисдикционных споров – не только самая сложная, но и самая бедная епархия Зарубежной Церкви своего времени, епархиальный центр которой (Корпус в Версале), был доведен до «грязи и бедности» (с. 66). Владыка, однако, претерпевал материальную необеспеченность с присущей ему подвижнической невозмутимостью, к недоумению своих сотрудников:

А Владыка, кажется, на самом деле не чувствует грязи. Сейчас начинается учебный год, и даже не промыли матрасов и не набили свежей соломой. Для одежды у детей нет ни шкафчиков, ни столиков, ни стульев, раздеваясь, они кладут ее или на пол, или на кровать. И больно, и противно смотреть, а это его совершенно не трогает. Вонь стоит – не чувствует. Я понимаю, что некоторые матери смотрят на него со злобой! (с. 66)

Интересно, что Петр Сергеевич вполне отдавал себе отчет в том, что только аскет-бесребреник способен жить и работать в таких условиях:

У нас ненормальное положение денежное: мы живем только потому, что почти совсем не стоит нам содержание Архиерея. Епархия – его вотчина: только он может быть здесь, и никто его заменить не может. (с. 81)

Тем не менее, с мирской, административной точки зрения, секретарь Западно-Евро-

пейской епархии неоднократно заявлял «о неудаче владыки здесь.» (с. 85). К примеру, в 1955 г. он писал:

А у нас грустно. Как старость приходит толчками, так и сознание неудачи деятельности А[рхиеп.] Иоанна также приходит, как ни противился ему. Теперь даже и не противишься, и между своими мы говорим об этой неудаче, всем уже ясной. С горьким чувством гр. Апраксин говорит, что среди многих желающих В. Иоанну здоровья и многолетия находятся и самые деятельные евлогиане, ибо знают, что никто к нему не пойдет. Многие вообще рады, что есть такой подвижник, но никто не хочет иметь с ним дела и общения в жизни. (с. 94-95) (выделено мною – А.Ф.)

«Несть пророка в отечестве своем» (Мф 13:57). Подвижник, да еще и святой, но не способный оказать благоприятное влияние на материальное положение епархиальных дел, оказался православной Европе не нужен.

А в поздних своих письмах Петр Сергеевич вовсе приходит к выводу – и находит тому якобы подтверждение у сестер Лесненского монастыря (с. 90) –, что вл. Иоанн, «окажется, совсем не пастырь-старец-отец и не воспитатель» (с. 119), не «духовник», не «мудрый душевед» (с. 90), а всего лишь чересчур строгий к себе и к другим аскет. И поэтому

нигде, ни тут, ни в Брюсселе, у него нет [личных] отношений, и его приездов туда так же боятся, как и мы его возвращений. (с. 96)

В некоторых своих суждениях очевидно ошибочные, но искренние письма П. С. Лопухина наводят на мысль, что по мере пребывания свт. Иоанна на западно-европейской кафедре, в епархии обреталось все меньше людей, которые готовы были засвидетельствовать, что «от общения с ним все время на душе радостное чувство». Но дело ведь не в том, что во свт. Иоанне иссякал Дух?!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один известный историк нашей Зарубежной Церкви, диакон Андрей Псарев, однажды в беседе со мной обронил следующую фразу: «Вне сомнений, – сказал он –, свт. Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский – самое лучшее, что наша Зарубежная Церковь дала этому миру.» Не смею не согласиться. Церковь рождает святых – это ее первичная и основная задача, и в этом смысле свт. Иоанн – «столп и утверждение» Русской Зарубежной Церкви. Но зададим себе вопрос: высказался бы историк столь же утвердительно, живя он на пол века раньше?

Хочу обратить внимание на интересное совпадение: в 1951 г. П. С. Лопухин опубликовал в монастыре преп. Иова в Мюнхене свою брошюру «О православном человеке» – трактат о православной антропологии на основе жизни и учения прп. Серафима Саровского. Совпадение – потому, что именно в том же году он познакомился со свт. Иоанном. Вот что автор писал о великом чудотворце Серафиме непосредственно перед знакомством с великим чудотворцем Иоанном:

Представители русского образованного, ведущего слоя не заметили Преподобного Серафима, не поняли, не нашли и не пошли к нему... Во всей русской литературе, в истории того времени нет даже упоминания о прп. Серафиме и о Сарове... Прп. Серафим – современник Пушкина, Лермонтова, славянофилов, но изучая русскую культуру того времени нельзя даже догадаться, что в это время жил в России святой чудотворец, человек причастный Царству Божию, что в нем и вокруг него было на земле это Царство. Какое поразительное явление такая слепота. Ее никогда нельзя забыть.² (выделено мною – А.Ф.)

Согласитесь: поучительное ввиду всего выше сказанного наблюдение, не правда ли? А делать выводы – за каждым из нас.

² Петр Лопухин, О православном человеке, Мюнхен 1951, с. 22.

О ТАЛАНТАХ И ИКОНОПИСИ

Господь произнес притчу о том, как хозяин раздал таланты своим рабам сообразуясь со способностями каждого. По прошествии некоторого времени он потребовал от них отчета и наградил тех, кто заработали столько же, сколько получили.

Но того, кто ничего не делал и принес только полученный им талант, он поверг строгому наказанию. Хозяин тот Господь Бог, таланты Его дарования, рабы – люди. Дает Господь дарования духовные, дает отдельным людям, дает и целым народам. До пришествия Христа словеса Божий были вверены Израилю. Когда заколебался Израиль в вере, когда стала падать Иудея, воззвал пророк Варух, ученик пророка Иеремии: «Сия книга повелений Божиих и закон, пребывающий во век. Все держащиеся ее будут жить, а оставляющие ее умрут. Обратись, Иаков, возьми ее, ходи при сиянии света ее! Не отдавай другому славы твоей и полезного для тебя чужому народу. Счастливы мы, что мы знаем, что благоугодно Богу» (Варух 4, 1-4).

Однако Израиль не пребыл в завете Божию, и, отвергшись Сына Божьего, отпал от Бога. Господь основал новозаветную церковь Свою в которую вошли многие бывшие языческие народы. Особою хранительницей Православия, после победы христианства над язычеством стала Византия, в которой Вселенские Соборы и святые отцы Церкви установили точное изложение догматов веры и православное учение.

После же падения Византии православная вера наиболее хранилась русским народом, к тому времени уже вполне впитавшем ее в себя. Народный быт и государственные законы, обычаи, все имело в своей основе веру православную или согласовалось с ней. Одним из олицетворений православной веры являются наши храмы и ими покрыта была вся русская земля.

Сам храм есть уже изображение невидимой вселенской Церкви, о которой мы гово-

рим в Символе веры: «Во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». Посему и называются наши храмы церквями. Возвышающийся над церковью купол указывает нам устремление к небу и напоминает нам о небесных сводах, под коими возносится наша молитва к Богу. Он напоминает нам небо невидимое, горнее царство Божие.

Храмы украшаются иконами. Иконы не простое изображение какого-нибудь лица или события. Икона есть символ невидимого. Если видим нам внешний облик Христа, Его угодников, то икона должна изображать и их внутренний Облик – их святость. Даже светские изображения часто олицетворяют нам ту или иную идею. Возьмем например известный памятник Петра Великого в Петрограде, где он изображен на коне высоко поднявшего своего всадника, что изображает, насколько высоко он поднял Россию во многих отношениях. Многие другие памятники изображают ту или иную идею. Если так в искусстве светском, тем более должно быть тоже в духовном, где изображается высшее, небесное, духовное.

Икона не есть портрет; портрет изображает только земной облик человека, икона же изображает и внутреннее его состояние. Даже если изобразить только внешний облик, – в разные моменты изображения будут все различными. Блаженнейший митрополит Анастасий (Грибановский) рассказывал, как будучи студентом духовной Академии, он с другими своими сверстниками был в Кронштадте на богослужениях праведного отца Иоанна. И когда отец Иоанн заканчивал литургию вид у него был светло озаренный, словно у Моисея, когда он сходил с горы Синайской. Через некоторое время отец Иоанн принимал их у себя в келье и был, как обычный человек. Да и Сам Господь наш Иисус Христос однажды показал нам Свою Божественную славу на горе Фаворе, а в остальное время он казался обычным человеком, и

люди удивлялись, откуда у Него такая сила и чудеса.

Икона должна изображать не только внешнее, но и внутреннюю жизнь, святость и близость к небу. Главным образом это изображается в лице и его взгляде, а в соответствии тому должна писаться и остальная часть иконы. На изображение состояния духа, скрытого под плотью и направлялось все внимание наших православных иконописцев. Чем лучше это удавалось, тем лучше являлась икона. Часто бывали при том недостатки изображения тех или иных частей тела, не потому что это делалось сознательно иконописцами, а потому что достижение главной цели не всегда позволяло им обратить достаточно внимания на второстепенные стороны. Впрочем если даже делать обычные снимки, особенно неожиданные, то несомненно на многих бы получились неестественные положения тел человеческих, которые мы обычно не замечаем.

Нельзя написать икону, только изобразив внешний облик тела, но на ней должны отображаться невидимые подвиги и сиять небесная слава. Это в совершенстве может сделать тот, кто сам живет духовной жизнью, и кому понятны и близки жития святых. Посему наши древние иконописцы всегда то делали и подготавливались к тому постом и молитвою. Многим так написанным иконам Господь дал чудотворную силу.

Конечно, каждая икона после освящения должна почитаться и к ней нельзя относиться пренебрежительно и непочтительно, почему мы воздержимся от суждений об иконах, уже стоящих в храмах, но всегда стремиться должны мы к лучшему, а самое главное не столько обращать внимание на внешнюю красоту икон, сколько на их духовность. Иконы же, явно не удовлетворяющие требованиям православной иконописи, нельзя ставить в храмах и даже иногда в домах.

Икону могут писать не все обладающие искусством и способностью к писанию. Часто настроение того, кто пишет икону, и желание послужить Богу имеет больше значения, чем

само искусство писания. После Петра Великого в России, вместе с тем хорошим, что принесено с запада, вошло и многое новое, чуждое православному духу влияние, которому подпала значительная часть образованного русского класса, внося в творения их многие не полезные, нехорошие новшества. Частично это отразилось и в иконописи. Вместо подражания древнерусским иконописцам, стало господствовать подражание чуждым православию художникам запада. Новые изображения хотя и были очень красивыми, но не соответствовали духу иконописи. Чуждый православию дух стал внедряться в России и постепенно расшатал ее.

К нам сейчас обращены слова пророка: «Не отдавай другому славы твоей, и полезного для тебя чужому народу». Как в жизни, так и в церковных обычаях мы должны вернуться к тем твердым и чистым основам, на которых строилась и держалась Россия. Отображением их является и наша иконопись. Не в чуждом для православия духе должны писаться иконы для наших храмов. Неверно думают те, кто утверждает, что православные иконы должны обязательно писаться темными и с неестественным положением тела. Древние иконы писались яркими светлыми красками и со временем стали темными, от времени и наевшей веками пыли. Но вместе с тем надо помнить, что действительно многие святые были смуглыми, проводя жизнь свою в жарких пустынях и что действительно у многих тела были истощены многолетними подвигами. Славились они не земной, а небесной красотой. Да помогут они своими молитвами, чтобы наши храмы были отображением небесной славы, а паства наша объединилась в искании царства Божия и как своим храмом, так и жизнью проповедовала истину православия.

ОФИЦИАЛЬНОЕ – КЛИР

Епархиальное собрание Германской епархии, 2024 год.

20 сентября / 3 октября священники, старосты и казначеи Германской епархии собрались в Билефельде на приходе Преображения Господня для участия в епархиальном собрании. Этот день совпал с празднованием памяти всех святых земли Германской. В связи с этим клирики и прихожане накануне вечером и в сам день праздника молились за богослужением, которое возглавили два архиерея – митрополит Берлинский и Германский Марк и викарный епископ Штутгартский Иов.

После литургии духовенство, а также прибывшие в Билефельд старосты и казначеи приходов, провели заседание епархиального собрания. На собрании с отчетными докладами выступили митрополит Марк, епископ Иов, секретарь епархии протоиерей Николай Артемов и казначей епархии иподиакон Григорий Кобро. Особо были отмечены труды архивариуса епархии Ана-

толия Владимировича Кинстлера. В знак признания его многолетних усердных трудов по сохранению и обработке архива Германской епархии, а также за научные труды, архивариусу была вручена благодарственная архиерейская грамота.

Новые клирики

Указом митрополита Марка из Полтавской епархии принят протоиерей Ростислав Симонов, который назначен третьим священником в храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Регенсбурге.

После получения отпускной грамоты из Горловской епархии в клир Германской епархии принят протоиерей Максим Терновой. Отец Максим будет нести пастырское служение на приходе великомученика Пантелеимона в г. Кельне.

По благословению митрополита Марка, викарным епископом Иовом был рукоположен в сан диакона Даниил Мироненко для служения в приходе г. Кельна. После прохождения сорокоуста в монастыре отец Даниил будет назначен клириком этого прихода.

Хиротония диакона Даниила

Награждения

Настоятель Регенсбургского храма Покрова Пресвятой Богородицы протоиерей Виктор Вдовиченко на престольный праздник храма 1 / 14 октября был награжден правом ношения палицы.

На архиерейской литургии в ближайшее воскресенье после праздника Покрова настоятель Покровского храма в Зальцбурге протоиерей Георгий Харлов был удостоен права ношения креста с украшениями. Также права ношения креста с украшениями

Епархиальное собрание Германской епархии, 2024 год

был указом Синода удостоен протоиерей Иоанн Гринчук – клирик храма равноапостольной Марии Магдалины в городе Дармштадте.

В праздник Казанской иконы Божией Матери (23 октября / 4 ноября) священник Аркадий Дубровин возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем прихода в Гронау с сохранением послушания клирика Казанского храма в Мюнстере. Протоиерей Николай Карпенко назначен новым настоятелем Казанского храма в Мюнстере.

Клирик храма святителя Николая в г. Франкфурте священник Георгий Полочек был удостоен митрополитом Марком права ношения цветной скуфьи.

Клирик мужского монастыря преподобного Иова Почаевского иеромонах Анатолий Трегубенков на литургии 28 октября/10 ноября был удостоен своей первой богослужебной награды – права ношения набедренника.

Создание нового прихода

В октябре указом митрополита Марка, на основании решения учредительного собрания, был создан новый приход Германской епархии в Швебиш-Гмюнде. Временное окормление прихода поручено клирику Штутгартского храма святителя Николая иерею Роману Кульчинскому.

Архиепископ Петр

Достижения

Клирик Мюнхенского собора Святых Новомучеников и Исповедников Российских и сотрудник издательства монастыря преподобного Иова чтец Андрей Фастовский 25 октября успешно защитил докторскую диссертацию по богословию.

7 ноября многолетняя сотрудница издательства монастыря преподобного Иова Анастасия Лимбергер в свою очередь успешно защитила докторскую диссертацию по истории византийского искусства.

НЕКРОЛОГ

В пятницу, 26 октября / 8 ноября, в день памяти великомученика Димитрия Солунского, скоропостижно скончался архиепископ Чикагский и Средне-Американский Петр.

Архиепископ Петр (в миру Павел А. Лукьянов) родился в Сан-Франциско в 1948 году, в семье донских казаков. Будущий архиепископ Петр был алтарником в соборе Сан-Франциско у архиепископа Тихона (Троицкого) и был близок к святителю Иоанну (Максимовичу), которому прислуживал последние 3 года до кончины святителя Иоанна.

В 1971 году будущий епископ Петр окончил Свято-Троицкую православную семинарию в Джорданвилле, затем учился в Норвичском университете и на богословском факультете Сербской православной церкви. Позже он преподавал в семинарии в Джорданвилле, был пострижен в монахи и рукоположен там.

12 июля 2003 года он был рукоположен во епископа Кливлендского и администратора Чикагской и Детройтской епархии (позднее переименованной в Чикагскую и Средне-Американскую епархию). На Божественной литургии в память 50-летия блаженной кончины святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского в субботу 2 июля 2016 года Его Преосвя-

щенство епископ Петр был впервые помянут как архиепископ и получил титул «Чикагского и Средне-Американского».

На торжественном заседании Синода Русской Зарубежной Церкви в Сербии в июне этого года владыка еще участвовал, но был слаб здоровьем.

Со времени кончины Преосвященного Петра и до сорокового дня, духовенство Средне-Американской епархии по очереди совершало Божественную литургию в храмах этой епархии, с любовью поминая почившего.

Отпевание 15 ноября в кафедральном соборе Покрова Пресвятой Богородицы г. Чикаго, возглавил первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, митрополит Николай. Погребение состоялось на братском кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

АРХИПАСТЫРСКИЕ ВИЗИТЫ

Митрополит Берлинский и Германский Марк почтил архипастырским визитом приходы в Этрингене (30.09.), Ландсхуте (06.10.), Бад Киссингене (08.10.), Людвигсфельде (19.10.), Зальцбурге (20.10.), Дармштадте (03.11.), Унтеркирнахе (04.11.) и Аугсбурге (06.11.).

Его викарный архиерей, епископ Штутгартский Иов, в означенный период посетил приходы в Ганновере (15.09.), Дюрене (22.09.), Петерсхагене (13.10.), Берлине (14.10.), Зигене (02.11.), Кельне (03.11.) и Мюнстере (04.11.).

Оба архиерея на приходах возглавили Божественные Литургии.

Кроме того, 20 октября 2024 г., вл. Иов был приглашен на торжества по случаю 30-летия прихода святых мучеников Валентина и Пасикрата (РПЦ МП) в город Ульм, где он сослужил архиепископу Рузскому Тихону и архиепископу Усть-Каменогорскому и Семипалатинскому Амфилохию.

МОНАСТЫРИ

11 сентября митрополит Марк подписал договор о купле-продаже замка Зайфридсберг под Аугсбургом. Исторический замок будет общими усилиями епархии и братии мужского монастыря преп. Иова Почаевского в ближайшие годы преобразован в епархиальный центр и мужской монастырь.

В престольный праздник монастыря преп. Иова Почаевского 10.11.24 (по старому стилю: 28 октября) братия пригласила на торжественную передачу ключей замка Зайфридсберг. Гости приехали со всей Германии, и около 500 человек собрались, чтобы стать свидетелями первого молебна на месте и приобщиться к этому историческому моменту.

Среди участников были многочисленные прихожане, священнослужители, давние друзья и благодетели, а также званые почетные гости. Мэр Циметсхаузена г-н Ветцель, глава администрации района Гюнцбург г-н Райхерт и руководитель соседнего католического паломнического центра «Maria Vesperbild» г-н Менцингер приветствовали братию и выразили надежду на возобновление жизни в замке и

развитие добрососедских отношений.

После молебна и приветствий Мюнхенский кафедральный хор под управлением Владимира Циолковича дал небольшой концерт в вестибюле главного здания. Затем гостям разрешили осмотреть резиденцию и угостили глинтвейном и всевозможными яствами. В этот вечер широта поддержки монастыря и этого грандиозного епархиального проекта проявилась во всей полноте.

Не менее обнадежили и прочие мероприятия в рамках проекта по реконструкции. В ходе первой встречи с советом Фонда Маргарете Аммон в монастыре, последний заверил братию, что профессиональное обслуживание лесного ботанического парка, который является частью недавно приобретенной земли вокруг замка, будет по-прежнему осуществляться за счет средств Фонда. Госпожа Аммон, скончавшаяся несколько лет назад, очень любила Зайфридсберг и посвятила свой фонд сохранению и поддержанию парка до тех пор, пока он остается в открытом доступе.

В рамках консультации по вопросам сохранения памятников

архитектуры строительный комитет монастыря познакомился с новой представительницей областного управления по охране памятников. В результате был получен неизменно положительный ответ в пользу проекта строительства и реконструкции.

Вскоре может начаться масштабная работа, к которой братия сердечно приглашает присоединиться всех желающих помочь. Чтобы как можно лучше использовать этот потенциал, пожалуйста, зарегистрируйтесь онлайн: https://subscribepage.io/hioibmon_ru.

11 октября в обители святой преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы, в Бухендорфе, торжественно отметили обретение мощей свв. Алапаевских мучеников. Его Высокопреосвященству Митрополиту Марку сослужили епископ Штутгартский Иов и духовенство Мюнхенского кафедрального собора. Под звон колоколов гости обители совершили крестный ход, после чего все прошли в праздничную трапезу для дальнейшего общения.

На общем собрании Попечительского Общества монастыря преп. Иова Почаевского 3 ноября был избран новый состав правления, а также детально спла-

Передача ключей замка Зайфридсберг – 10 ноября 2024

Передача ключей замка Зайфридсберг – 10 ноября 2024

нировано и подготовлено мероприятие по передаче ключей от замка Зайфридсберг 10 ноября.

Ольга Азарова была избрана заместителем председателя, а Александр Дукарт – казначеем общества. В рамках подготовки к торжественной передаче ключей было решено, что члены общества позаботятся о приготовлении блюд для гостей.

ЦЕРКОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С 12/25 по 14/27 октября в Благовещенском скиту в селе Унтеруфзаузен близ г. Фульда состоялась ежегодная конференция сообщества «Немецкоязычное Православие в Средней Европе» (Deutsche Orthodoxie in Mitteleuropa – DOM). В этом году конференция была посвящена темам целомудрия в Церкви. Епископ Штутгартский Иов выступил с докладом о посланиях свят. Василия Великого на тему брака и монашества.

12/25 октября на православном факультете Мюнхенского университета, в рамках семинара по церковному праву и по приглашению доцента Др. Др. Анап-лиотиса, прот. Николай Артемов выступил с докладом о «Св. мч. Александре Шморелле в Мюнхенском университете». О. Николай в свое время весьма потрудились над канонизацией рус-

ско-немецкого студента и мюнхенского православного Мученика. Он обладает огромным количеством как опубликованного, так и архивного материала, который позволил вдуматься в деятельность Мюнхенской студенческой группы Белая Роза, и приобщиться к мышлению и духу ее главных вдохновителей – друзей Ганса Шолля и Александра Шморелля.

Визит председателя фракции «Freie Wähler» Флориана Штрайбла

15 октября 2024 года председатель фракции FW («Свободные избиратели») в баварском парламенте Флориан Штрайбль посетил Православный богословский факультет Мюнхенского университета LMU. После теплого приветствия со стороны профессора К. Николакопулоса господин Штрайбль обратился к присутствующим студентам и богословам. Он отметил, что особенно рад своему посещению, поскольку лично был свидетелем основания кафедры православного богословия в 1984 году, когда сам был студентом католической теологии. Православное богословие ему отнюдь не чуждо, напротив: он «нашел свой путь к католическому богословию через православное бого-

словие». Будучи сыном министра-президента Баварии Макса Штрайбла, он не стремился к политической карьере, но, как заметил еще наполеоновский министр иностранных дел Шарль-Морис де Талейран-Перигор, «лучшая подготовка к политике – это теология». Штрайбль подчеркнул, что сегодня христиане должны объединяться и воздействовать на мир путем христианских ценностей. «Ценности основаны на опыте, который передается и запечатлевается в историях, песнях и песнопениях. Ценности стремятся стать законом и нормой. Но если история и опыт, на которых основаны ценности, утрачиваются, то и ценности меняются». Г-н Штрайбль также подчеркнул, что перед студентами-богословами стоит большая задача – передать христианские ценности следующим поколениям.

Учитывая уменьшение числа членов римо-католической церкви, он возлагает большие надежды на православную Церковь: благодаря активной литургической жизни, живым приходам, а также менее жестким иерархическим структурам она, по словам политика, сможет нести христианскую надежду в общество, которое становится все более подавленным.

Марш за жизнь. Берлин 2024 г.

На вопрос о том, что мы, как частные лица, можем сделать для укрепления православного закона Божьего в школах, г-н Штрайбл ответил, что надеется на то, что православные станут еще более заметными, будут настойчиво требовать православный урок в школах, а также станут еще более заметными как церковные общины.

ПРАВОСЛАВНАЯ МОЛОДЁЖЬ

8 / 21 сентября молодёжь Германской епархии вновь приняла участие в ежегодной акции «Марш за жизнь» (Marsch fürs Leben), которая прошла в Берлине. После Божественной литургии и молебна в храме Покрова Пресвятой Богородицы молодые прихожане с иконами прошли крестным ходом в защиту нерожденных детей. На следующий день, в воскресенье, в приходе состоялась праздничная встреча для участников марша.

27 октября / 09 ноября в соборе свв. Новомучеников и Исповедников Российских в Мюнхене съехалась молодёжь со всей епархии, чтобы – во главе с епископом Штутгартским Иовом – послужить «молодёжную» Литургию. Такая идея появилась у молодёжи Мюнхенского собора еще в январе месяце и выиграла

второе место на конкурсе молодёжных проектов. Вместе продумали и разделили обязанности вокруг богослужения – в алтаре, хоре, вокруг свечей, лампад и трапезы. Большую радость вызвало и то, что приехало и много молодого священства. Закончилось это необычное событие прогулкой к могиле Александра Шмореля и кратким молебном. При подведении итогов все отметили необыкновенную радость от общения и встречи, красоту Мюнхенского собора и выразили желание чаще встречаться в разных городах за Богослужением.

АРХИВ ГЕРМАНСКОЙ ЕПАРХИИ

12 / 25 ноября, в рамках курса «Источники по церковной истории XX века», архивариус Германской епархии РПЦЗ Анатолий Владимирович Кинстлер прочитал доклад об архиве нашей епархии для студентов магистратуры Свято-Филаретовского института (Москва). В своем докладе А.В. Кинстлер, в том числе, отметил, что Германская епархия, обладая богатым архивным фондом, хранит ценные исторические источники, отражающие как духовные, так и светские аспекты русского православного присутствия в Германии за по-

следние 200 лет. После доклада состоялось общение со студентами и приглашенными гостями. Занятие было проведено деканом исторического факультета СФИ, заведующим кафедрой церковной и социальной истории, к.и.н. Константином Петровичем Обозным. Это первый опыт приглашения церковного архивиста в рамках данного курса.

РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ В ВИСБАДЕНЕ

В истории русского зарубежья есть отдельная страница, связанная с русским храмом-усыпальницей святой праведной Елисаветы, матери Иоанна Крестителя, построенным в память о Великой княгине Елизавете Михайловне Романовой и расположенного недалеко от храма исторически-значимого русского православного кладбища, одного из крупнейших в Западной Европе, находящихся рядом в столице немецкой земли Гессен в городе Висбаден.

Создание православного кладбища в Германии инициировала Великая княгиня Елена Павловна Романова – дочь Русского императора Павла I, мать Великой княгини Елисаветы Михайловны Романовой, герцогини Нассауской, супруги герцога Адольфа Вильгельма Нассауско-

го, с которым Елизавета Михайловна прожила в браке чуть более года и умерла при родах вместе с родившейся дочерью. В память о Елизавете Михайловне был построен (годы строительства 1848–1855 гг.) храм в Висбадене, куда 25 мая 1855 года были торжественно перенесены в подземную крипту останки герцогини и ее дочери. Год спустя было положено начало созданию русского православного кладбища, которое было освящено в августе 1856 года.

В большом толковом словаре русского языка, в трактовках о человеческой памяти, указано, что память – это способность воспроизводить в сознании прежние впечатления, это воспоминание о ком-либо и о чем-либо. Как очень ярко сказал современный русский поэт из Донецка, Стас Новосильцев: «Память – это звон в колокола». А так как: «По всей планете русские погосты, на всех кладбищах русские кресты», то в сегодняшней нашей жизни значение памяти играет особую роль. В связи с глубоким осознанием этого несколько лет назад в приходе св. прав. Елисаветы города Висбаден родилась традиция проведения всегерманского мероприятия по наведению порядка на русском православном кладбище с привлечением к этому благородному

и нравственному делу молодых православных людей.

История и память кладбища хранят имена православных людей разных национальностей и сословий. Здесь упокоились князья и бароны, государственные деятели, Архиереи и священники, представители известных и знаменитых русских дворянских фамилий, родственники русских императоров, русские офицеры и служащие. Сегодня в Висбадене живет 6-е поколение наследников гения русской поэзии – А. С. Пушкина. На этом православном русском кладбище в Висбадене находится 21 могила современников А. С. Пушкина, непосредственно или косвенно связанных с ним. На этом же кладбище есть 3 могилы, в которых упокоились те, кто имел общение с другим гениальным поэтом – М. Ю. Лермонтовым.

В наши дни, когда Русская Православная церковь подвергается очередным испытаниям и гонениям в ряде стран, одновременно возрастает роль памяти русской истории и русской культуры, в связи с чем поднимается роль православной молодежи, по праву наследования памяти и продолжения дела предыдущих поколений в будущем. Именно с этой целью было организовано собрание православной молодежи, чтобы потрудить-

ся на кладбище русской эмиграции в Висбадене. Около 30 молодых людей от 18 до 30 лет приехали в Висбаден из разных приходов Русской Православной Церкви Германской Епархии. К приехавшим присоединились и прихожане храма св. прав. Елисаветы, чтобы вместе потрудиться и навести порядок на кладбище. Это мероприятие проводилось 5–6 октября, в результате чего сложилась дружная команда. Ребята, несмотря на усталость присутствовали на Богослужениях, исповедовались и причастились.

По окончании Литургии состоялась совместная трапеза. Сестричество прихода с большой любовью и заботой принимало приехавших молодых людей и всех собравшихся. По благословению протоиерея Валерия Михеева, помощника Настоятеля храма св. прав. Елисаветы, дьякон Ярослав Харкевич два дня координировал это важное мероприятие. Вместе с молодыми помощниками он трудился на кладбище, молился в храме, общался и принимал участие в экскурсионной прогулке по Висбадену. Несколько молодых прихожан прихода св. прав. Елисаветы активно помогали диакону Ярославу.

После трудовых и культурных мероприятий, во время воскрес-

Уборка на кладбище в Висбадене

Беседа после трудов

ной совместной трапезы, отец Валерий провел с молодежью беседу – диспут о памяти своих предков, о важности сохранения своей Веры, своих культурных традиций, о необходимости изучения истории. Общение с молодежью получилось живым и интересным. Молодые люди задавали животрепещущие, интересующие их вопросы, на которые им охотно и дружелюбно отвечал отец Валерий. Были за-

тронуты вопросы о притче Спасителя, о данных Богом талантах, которые нужно преумножать и посвящать на благо людей, на благо Русской Православной Церкви. Рассматривались мнения великого русского писателя Л. Н. Толстого и великого русского философа И. А. Ильина на проблему «непротивления злу и насилию», и заповеди «не убий». Также говорили о трактовании «Гимна любви» Апостола Павла.

Наставляя молодых людей, отец Валерий Михеев в своей беседе сделал акцент на 26 строку из 17-го псалма: «С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со строптивым развратишия». После духовной беседы молодым людям была организована экскурсия-прогулка по Висбадену.

Довольные и радостные молодые люди разъехались по своим приходам, а приход св. прав. Елисаветы остался открыт для тех, кто желает потрудиться на русском кладбище или ухаживать за какими-либо отдельными могилами, либо вносить свою лепту в Богоугодном деле памяти деятелей русской истории и русской культуры. Желующим следует обращаться к клирикам Русской православной церкви св. прав. Елисаветы города Висбаден – отцу Валерию Михееву или дьякону Ярославу Харкевичу.

Слава Богу за все!

Татьяна Мильде. Оффенбах-на-Майне. Октябрь 2024 года

Содержание № 4/2024

- 1 Рождественское послание митрополита Берлинского и Германского Марка
- 3 Преп. Юстин Челийский. Толкование на святое Евангелие по Иоанну
- 8 прот. Илья Лимбергер. «Божественная Комедия» Данте Алигьери как путь истины и любви
- 23 М.В. Хотяков. Мариины слезы. К поэтике литургических песнопений Ольги Седаковой
- 30 А.М. Фастовский. Опыт рецензии-размышления. «Он замечательно хорош, и умен, и праведник, но жить с ним несносно» или почему мы не чтим свт. Иоанна (Максимовича) как архиепископа Западно-Европейского
- 36 Святитель Иоанн Шанхайский. О талантах и иконописи
- 38 Хроника. «Из жизни епархии»

«Вестник» является официальным органом Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Редакторы «Вестника» стараются по совести высказывать мысли, согласные с учением Святой Православной Церкви и нашей иерархии. Однако, при всем старании авторов, иногда могут допускаться ошибки. Ответственность за такие ошибки ложится исключительно на авторов статей и на редакторов «Вестника», но ни в коем случае не на Архиерейский Синод или Епархиальное управление, которые не ведут предварительной цензуры и не могут знать заранее, где и что будет напечатано. «Вестник» издается трудом и иждивением братства Преп. Иова в Мюнхене. Всех заинтересованных в его существовании и распространении мы просим жертвовать на наш счет с соответствующим указанием на переводе.

Счет монастыря:

IBAN: DE29 7001 0080 0053 0318 01

BIC: PBNKDEFF (Postbank Munchen)

Адрес Редакции «VESTNIK»

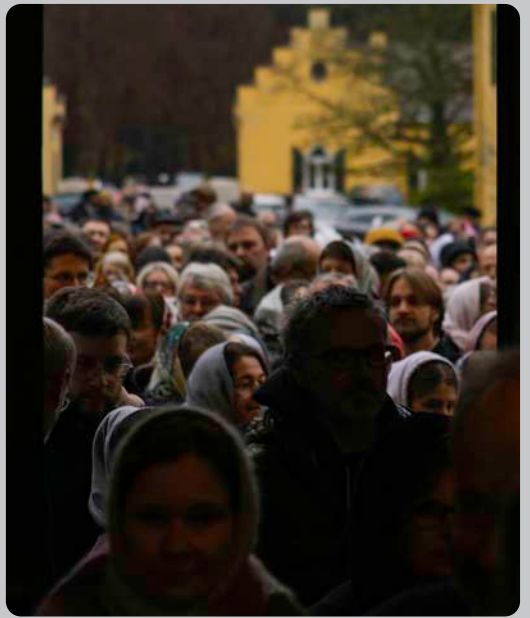
Kloster des Hl. Hiob von Počaev

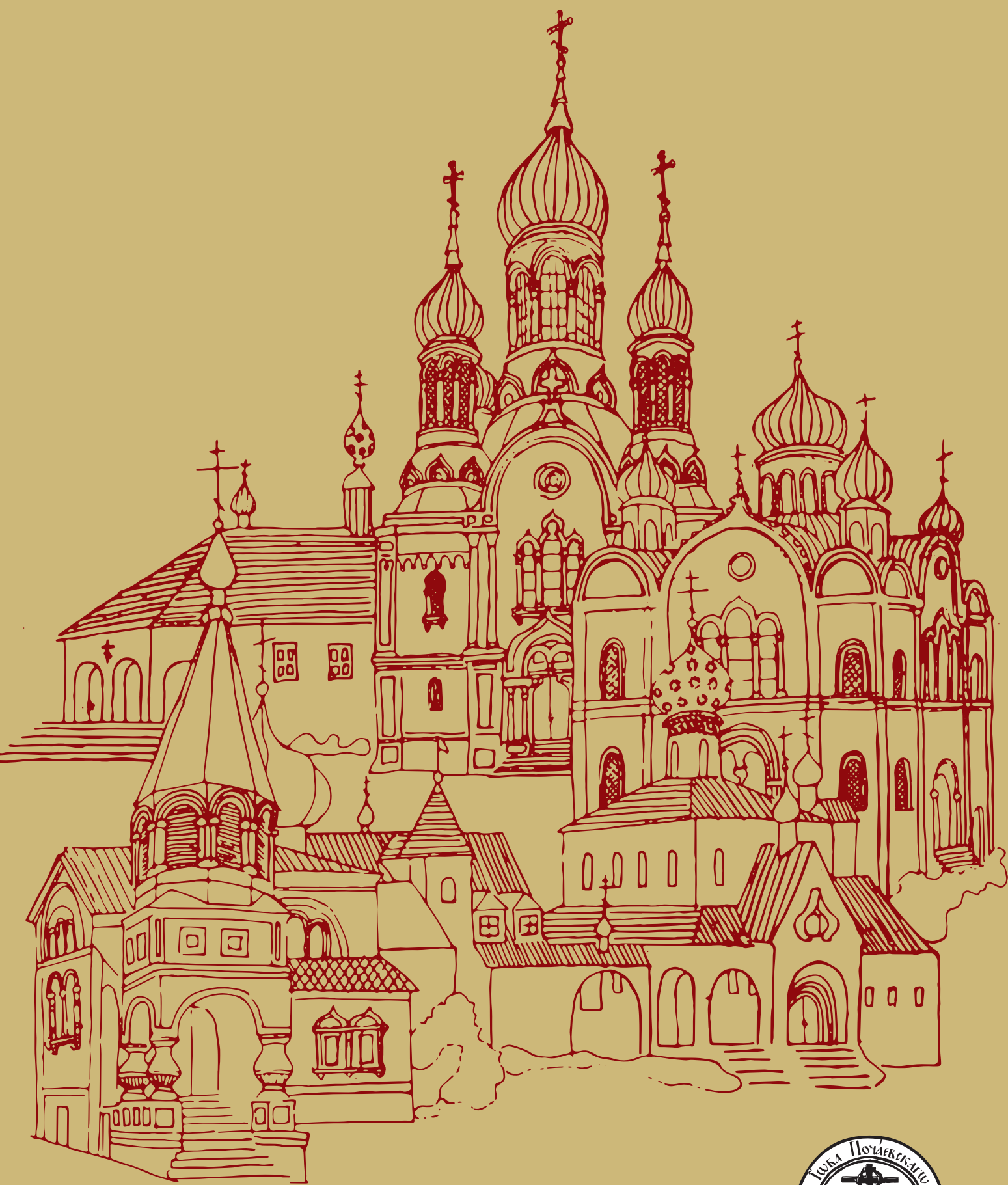
Hofbauernstr. 26,

81247 München – Deutschland

Tel.: (089) 203 19 085

Fax: (089) 88 67 77, <http://www.rocor.de>

ISSN 0930 - 9039